

VI
ТРАДИЦИОННАЯ
КУЛЬТУРА
В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ

М. В. МУГАДОВА
(Махачкала)

Нематериальное культурное наследие и фольклорное искусство Дагестана в современных условиях

Дагестан — уникальный уголок Российской Федерации, где до последних дней сохранилось богатое культурное наследие, в том числе и устно-поэтическое творчество. В Дагестане соседствует множество как близких друг другу, родственных по языку народов, так и относящихся к разным языковым семьям, разным религиозным конфессиям. Каждый из тридцати с лишним народов, проживающих в республике, в том числе и одноаульные, например, арчинцы, кубачинцы и др., имеют свое богатое устно-поэтическое творчество. Старожилы сохранили почти все жанры и жанровые разновидности словесного фольклора, музыкального искусства. Исполняются народные танцы.

Обряды, обрядовый фольклор, традиционные празднества — неотъемлемая часть народной духовной культуры. Обряды возникли в глубокой древности вместе со становлением человеческого общества как необходимый элемент его социального бытия и духовной культуры. Обряд — это особый способ передачи новым поколениям определенных идей, коллективное символическое действие, форма проявления коллективных переживаний людей, приобщения личности к обществу, коллективу.

Календарные и семейно-бытовые обряды и обрядовая поэзия в своей основе являются древнейшим видом народного творчества. Они тесно связаны с хозяйственной деятельностью и убедительно показывают, как на самых ранних этапах развития человечества обряды и поэзия порождались трудовой практикой и сопутствовали ей.

Обычно обряды все народы приурочивали к наступлению новых периодов календарного года. Астрономическими вехами для обозначения таких периодов являются два равноденствия 21 марта и 21 сентября и оба солнцестояния — 22 декабря и 22 июня.

Основным занятием народов Дагестана наряду с животноводством было земледелие, и потому календарная обрядность носит ярко вы-

раженный аграрный характер. В ней отразились древнейшие взгляды на природу и попытки воздействовать на нее, а также думы и заботы дагестанского крестьянина о хлебе насущном, об урожае, от которого зависело благополучие семьи.

Консервативные, устойчивые по своей природе обряды и обрядовая поэзия сохранили и донесли до наших дней рудименты далекого прошлого. Они помогают исследователям понять и воссоздать особенности социальных институтов и семейных отношений родового и феодального общества. В них сохранилось много материала, помогающего определить народное мировоззрение и верования прошлых эпох.

Обряды, как и обычаи, являются по сути своей массовыми формами организации духовной жизни. Они осуществляют на протяжении тысячелетий передачу нравственного, социального опыта, моральных и этических качеств предшествующих поколений последующим. Обряды и традиции народов Дагестана складывались веками, сохраняя и утверждая лучшие образцы нравственного и жизненного опыта народа, сохраняя уровень бытовой культуры, элементы верований и художественного творчества. По своему назначению и содержанию обряды народов Дагестана делятся на календарные, религиозные, семейно-бытовые.

Примерно в середине января жители с. Тинди Цумадинского р-на начинали отмечать зимний праздник Къаба. Существовало четыре категории населения, которые отмечали Къаба отдельно друг от друга: Къаба детский, Къаба юношеский, молодежный, Къаба молодоженов, Къаба чабанов.

В первую пятницу января мальчики и девочки, примерно 12—14 лет, порознь собирались в двух домах. Каждый из них нес из дома что-либо из продуктов: муку, мясо, сыр, урбеч. В домах, где собирались подростки, хозяйки готовили вкусные блюда. Пока готовили ужин, дети проводили различные детские игры, пели песни, танцевали. После ужина расходились по домам.

В следующую пятницу собирались отдельно в двух домах юноши и девушки. Они несли с собою также различные продукты, и хозяйки из этих продуктов готовили праздничный ужин. После ужина устраивали игры, танцы, пели песни, рассказывали сказки, загадывали загадки. Так веселье продолжалось до утра. На молодежном Къаба могли имитировать своеобразное свадебное действо. Из девушек выбирали «невесту», а из юношей — «жениха». На роль невесты в основном избиралась девушка из бедной семьи, по предварительной договоренности с нею. Эту «невесту» везли к «жениху» на осле. А осла украшали как на праздник различными гирляндами, колокольчиками. В качестве седла клали маленький коврик. «Невесту» в этом шуточном обряде сопровождали подруги. С музыкой и песнями объезжали селение, останавливаясь по нескольку раз на широких улицах для танцев. Процессия заходила почти в каждый двор, и хозяева одаривали «невесту» подарками.

Потом «невесту» вели в дом, где собирались юноши, и заставляли танцевать с «женихом». «Невеста» вела себя, как настоящая, изображая смущение и как бы пытаясь убежать. «Жениха» вводили в комнату к «невесте» со смехом, шутками.

После веселья, по окончании «свадьбы» с танцами и песнями девушки вместе с «невестой» возвращались в дом своего Кьаба. Они доедали остатки еды и расходились по домам.

В третью пятницу того же месяца отмечали Кьаба молодоженов. В этот вечер родители приглашали к себе замужних дочерей с мужьями на ужин. Это мероприятие можно было неофициально назвать вечером молодых зятьев. Приглашение тестем зятя в этот вечер было строго обязательным и не терпело отказа. Если тесть забывал про свою обязанность, зять был вправе напомнить ему об этом через специально посланного человека. Во время Кьаба молодоженов и гостей угощали самыми изысканными блюдами горской кухни.

В четвертую пятницу месяца зимы устраивали свой Кьаба чабаны. Они собирались вместе в доме какой-нибудь одинокой женщины. Они, как правило, приводили с собой барана, резали его, приносили бузу (ч'агъа) и пировали весь вечер, время от времени перемежая застолье с исполнением танцев и песен.

Кьаба были своего рода подготовкой к следующему празднику — к обряду встречи весны и началу весеннее-полевых работ.

В высокогорном Цунтинском р-не есть с. Шаитли. Село для гостя, который попадает туда в начале февраля примечательно двумя особенностями, во-первых, дорога от районного центра Кидиро в Шаитли длиной 30 км сплошной экстрим, во-вторых, в селе проводится праздник Игби, говоря про который все время сбиваешься на эпитеты «уникальный», «удивительный», «не имеющий аналогов». Даже из цунтинцев лишь немногие были свидетелями этого праздника. Дата проведения его приходится на 5 февраля. Считается, что именно в этот день впервые за всю зиму лучи солнца освещают местность Хора на склоне горы, возвышающейся над селом. Накануне праздника процессия мальчиков, предводительствуемая мужчиной в маске волка (боци), проходит по улицам Шаитли и громко напоминает:

*Игби готовьте,
Не то в проруби искупаем,
Гедо слякотью заполним.*

Гедо — вязаная обувь, которую носили в старину и молодые, и старые цунтинцы. Шаитлинские хозяйки начинали готовить «иг», особый ритуальный хлеб в форме бублика. Отсюда и название праздника. «Игби» — множественная форма слова «иг». На следующий день с раннего утра праздник начинают дети. Они обходят село, и хозяйки одаривают каждого маленьким игом. А в это время в село с окрестных гор спускались «волки» (боци).

Как говорят старожилы, в празднике Игби принимали участие в основном дети и подростки, в том числе и девочки. Сейчас же праздник стал сугубо мужским. В нем участвуют только мужчины от 6 до 18—20 лет. Вместе с ними и «боци». Боци — переодетые в маски волков юноши. Боци не имеют права разговаривать так, чтоб их слышали посторонние. Общаются они со зрителями через сопровождающих их мальчиков. Двое из них несут на плечах длинный шест, и все вместе обходят все село. Постепенно шест заполняется игами-бубликами, которые выносят женщины из каждого дома. Раньше, если в каком-то доме не пекли и не одаривали детей игом, то наполняли грязью обувь хозяина дома, когда он приходил молиться в мечеть.

Заполненный бубликами-игами шест выносят в центр села и тщательно охраняют, так как желающих украсть или отломить хотя бы кусок от ритуального хлеба, хоть отбавляй. Боци стараются не допустить этого, отгоняя женщин и детей мечами. В центре села начинается веселье, танцы. В круг вступают и другие персонажи в масках в образе шайтана, лесных существ, а также маски, обличающие людские пороки: чревоугодие, алкоголизм и т. д. Все их действия направлены на то, чтобы позабавить зрителей. В разгар веселья появляется лесоруб с топором. Он оповещает сельчан, что встретился в лесу с Квидили, который готовится прийти на праздник. Квидили — самый главный персонаж праздника Игби. Квидили — человек, одетый в вывернутый наизнанку тулуп, с лошадиным черепом, огромной пастью с медными зубами. Пасть с громким клацаньем раскрывалась и захлопывалась. Как только Квидили покажется в селе, на помощь ему спешат боци и дети, помогают ему подняться на возвышенность. Квидили поздравлял всех с праздником, желал счастья, благополучия семьям в наступающем году, хорошего приплода скота, богатого урожая, мира. Затем один из сельчан, от имени Квидили, произносит имена тех, кто провинился в чем-либо перед сельчанами. Боци по приказу Квидили волокут провинившихся к проруби и опускают по колено в воду. После этого будут называть имена шайтлинцев, заслуживших уважение земляков за труд, милосердие, заботу о ближних, благочестие и т. д. Лучших шайтлинцев Квидили одарит большим ритуальным хлебом-игом. В конце праздника Квидили чувствует недомогание и скорую смерть. Потом Квидили окружали боци (волки), вели его к мосту. Уложив Квидили в снег, мечом «отрубали» ему голову. Снег окроплялся красной бутафорской кровью. Потом тело Квидили клали на носилки, несли в село и оставляли в каком-либо сарае до следующего праздника.

Праздник Игби — это обряд воскрешающей и вечно обновляющейся природы. Поэтому Квидили вновь придет в следующем году в с. Шайтли, как и 300—400 лет назад и будет благодарить людей за добро, труд. Значит, снова в Шайтли будет праздник, мир и покой.

Художественная память народа сегодня хранит только нюансы, полутона. Но даже это бесценно и важно, так как любой народный

праздник в какой-то мере коллективная игра, через которую познается мир и выбирается нравственно-этическая линия жизни. Как в празднике Игби, где каждый маленький шаитлинец знает, что на празднике не пройдет незамеченным ни один добрый поступок или доброе дело.

В середине декабря молодежь Вицхинского магала Лакского р-на устраивала обряд «Хождение козлами». Козел у всех народов, населяющих средиземноморский регион, священное, обожещаемое животное. Считаясь у народов Дагестана самыми выносливыми существами, козел, бык издавна являлись символами плодovitости. Недаром изображение дикого козла, тура встречается часто среди наскальных рисунков горного Дагестана.

Из числа молодежи выбирался наиболее энергичный, резвый, неугомонный парень. Он сам изготавливал себе из войлока маску козла. Если аул был большой, «козлами» могли нарядиться несколько парней. Юноши в масках козлов, в вывернутых шерстью наружу шубах, бегали, прыгали, стараясь быть неузнанными, блеяли, гонялись за молодыми девушками и бездетными женщинами. Догнав женщину, они пользовались случаем, чтобы поцеловать ее, могли даже ухватить за запретные места. Тем самым, по народным представлениям, они передавали бездетной женщине священное чувство причастности к деторождению.

Группа парней и мальчиков-подростков, сопровождая «козлов», обходила дворы. Ребята заходили с «козлом» (или с несколькими «козлами») во двор и исполняли ритуальную песню-благопожелание:

*Да наполнится дом зерном,
Да наполнятся закрома рисом,
Да наполнится хлев скотом,
Да будет полон насест курами.
Да будет много дров на краю крыши!
Да будет много кизяка на крыше!
У того, кто даст подарок, пусть родится сын!
У того, кто не даст подарка, пусть родится дочь!
Люди Мухаммеда,
Не отпускайте нас с пустыми руками!*

«Козел» веселил народ. Хозяин одаривал пришедших. Если хозяин проявлял жадность, то «козел» как бы падал замертво на пороге дома. Окружающие спешили к нему, всячески выражая сожаление. И тогда хозяин дома должен был каким-нибудь особым подарком «воскресить» «козла». Получив подарок, «козел» моментально ко всеобщей радости вскакивал на ноги — «воскресал» и вновь начинал смешить народ. Он подбегал к хозяину и танцевал вокруг него, таким образом, как бы благодаря за подарок. После этого процессия направлялась к следующему дому.

«Смерть и воскрешение» «козла» символизировали смерть и воскрешение сил природы. Собранные продукты (мясо, хлеб, бузу и др.) грузили

на специально нанятых для этого вьючных животных (осла, лошадь) или на арбу. Потом с песнями, танцами молодежь возвращалась домой и устраивала настоящий пир. Ряженный должен был быть неузнаваем, поэтому он не говорил и не пел. Песни пела в основном молодежь, сопровождавшая «козла». Во время совместной трапезы молодые люди исполняли разнообразные лирические песни и танцевали. Руководил этой частью веселья, как правило, тамада.

Навруз байрам — один из самых распространенных праздников у большинства народов Дагестана. Это древний зороастрийский обряд встречи Нового года, обряд обновления природы, который ассоциируется с весной и известен у многих восточных народов. По сей день бытует в Дагестане, хотя и называется по-разному: лезгины называют его «Яран Сувар», табасаранцы — «Эбелцан», «Эверчин», агулы — «Хин Гуш» («Весенняя ночь»), лакцы — «Интнил хьхьу» («Ночь весны»), кумыки — «Гъазза новруз», «Шатман — байрам», аварцы — «Ихх ч'араб къо» («День весны»), ногайцы, азербайджанцы — «Навруз», рутульцы — «Эр», цахуры — «Юхханиньегъ», даргинцы — «Х'ебла бери» («Весенний день»), таты — «Шегъмеvasал» («Весеннее пламя»). Но, несмотря на разницу в названиях, этот праздник у всех народов символизирует начало весны, пробуждение природы, смену времен года.

У дагестанцев были свои традиции празднования Навруза. На праздничный стол, как правило, подавали лучшие, специально приготовленные, блюда. Количество их должно было быть не менее семи. Обязательным блюдом на столе всегда была каша, которая готовилась из семи твердых зерен: гороха, бобов, кукурузы, фасоли, ячменя, а также сушеного мяса, сычуга. По представлениям народов Дагестана, обилие и разнообразие еды на столе должно было обеспечить хороший урожай и всяческое изобилие в новом году. Использование яиц в обрядах было обязательным и символизировало зарождение новой жизни.

В ритуал праздника также входили и гадания девушек. У разных народов гадания эти проходили по-своему. Гадали на камнях, на фасоли, с помощью обручального кольца, на обжаренных зернах ячменя. Горские девушки и женщины обычно гадали на удачное замужество, на богатый урожай, на житейское благополучие и здоровье.

Не оставалась в стороне и детвора. Ко дню Навруза, например, кумыкские дети готовили «навруз-байракъ» — флаг для Навруза, который представлял собой ветку дерева с прикрепленной на ее верхушке цветной фигурой удода — символа весны. К деревцу привязали подарки — платочки, кисеты. Проходя гурьбой по дворам, малышня исполняла «навруз-сарын» — песню Навруза, за это взрослые давали детям сладости. У лакцев для детей пекли специальный хлеб «барта» в форме головы быка, барана или коня или чурек с отверстием посередине и вдавленными в него яйцами, орехами, изюмом, урюком, финиками, кусками сушеного мяса.

Навруз испокон веков считался праздником сельскохозяйственным: после него в горах обычно начинали пахоту и сев. Праздники проходили с неизменным участием ряженых, которые веселили народ, получали за эти подарки. Некоторые народы Южного Дагестана специально к празднику проращивают зерно. Яркие зеленые ростки пшеницы или ячменя символизируют пробуждение земли, начало новой жизни.

Сегодня вырос общеобразовательный, культурный и эстетический уровень нашего современника. А интерес к фольклору, как к своему родному, так и других народов, не ослабевает. Роль фольклора в развитии художественной национальной культуры, литературного творчества велика. Вопреки предсказаниям об угасании фольклора в наши дни растет вес и значение произведений народного творчества в жизни общества.

В народе бытуют обычаи, обряды, традиционный фольклор, развивается и современный фольклор — фольклор наших дней. На основе современной духовной жизни возрождаются исчезнувшие или исчезающие обряды и связанная с ними поэзия. Стали более торжественно и увлекательно с песнями и танцами проводить свадебные торжества, сопровождая их игрой на национальных инструментах (зурна, баламан, барабан и др.).

Благодаря целенаправленной работе сотрудников Республиканского дома народного творчества, ученых-фольклористов Института языка, литературы и искусства ДНЦ РАН растет интерес творческой интеллигенции республики, участников художественной самодеятельности к фольклору.

Примечания

¹ На краю плоской крыши.

А. ДЖ. МАГОМЕДОВ
(Махачкала)

*Фольклорная культура Дагестана
в условиях глобализационных процессов
XX — начала XXI в.¹*

Модное сегодня слово «глобализация» позволяет в целом объективно объяснить многие реалии фольклорной культуры Дагестана последних 20 лет. После распада СССР Дагестан стал территорией приграничья России, которая воздушными, морскими, сухопутными путями тесно связана с восточными и западными странами. Эти связи значительно преобразуют культуру республики, в том числе традиционную, быт населения, мышление ее народов. Этим был определен и выбор настоящей темы.

Дагестан хорошо известен своей многоэтничностью и полиязычностью. Это горная страна, и ее в последнее время активно изучают ученые-монтологи. Дагестан — регион с развитыми видами традиционного искусства, традиционной фольклорной культуры.

Традиционная фольклорная культура Дагестана — яркое и хорошо узнаваемое явление, бесспорно феномен общероссийской культуры. За последние 100 лет оно превратилось из дагестанского явления в феномен кавказской (это произошло в конце XIX — начале XX в.), а позже и общесоветской, общероссийской культуры. Это хорошо заметно и сегодня. Достаточно зайти в любой, даже небольшой, ювелирный магазин или магазин по продаже различных сувениров, чтобы убедиться в этом. Особенно хорошо это видно в Москве. Подарочная серебряная посуда с чернью, коллекционное и сувенирное оружие в оправе серебра и золота, украшения с вставками самоцветов и поделочных камней, концертные выступления фольклорных коллективов Дагестана — все эти проявления дагестанской фольклорной культуры, представленные на витринах ее магазинов и сценах концертных залов.

Дагестанская фольклорная культура традиционного типа включает в себя многие формы. Это и устно-поэтические, устно-прозаические жанры, с которыми традиционно было принято ассоциировать понятие

«фольклор». Это и разнообразные проявления народного (традиционного) искусства. Сегодня для большинства исследователей очевидной стала точка зрения, когда в понятие «традиционный фольклор» включаются не только устные, но и художественно-ремесленные, музыкальные, хореографические виды и жанры народного искусства. Это общее мнение известных российских фольклористов. В. М. Гацак в одной из своих статей пишет, что «главное свойство фольклора (*любого по виду: словесного, словесно-музыкального, инструментального, хореографического, предметно-изобразительного, орнаментального и пр.*) — память традиции» (выделено нами. — А. М.)².

Вместе с тем, возникает вопрос, насколько в современной дагестанской культуре фольклорного типа (такой термин, на наш взгляд, более точен в нюансах) аккумулированы основы, «базовые элементы» традиционной фольклорной культуры. Сегодня уже хорошо известны масштабы многих трансформаций, произошедших в XX столетии³. Изменения в сфере фольклорной культуры, художественной в частности, были обусловлены как объективными (урбанизация, технологические революции и др.), так и субъективными (политика большевиков) факторами развития общества.

Еще во второй половине XIX — начале XX в. традиционное искусство оказалось в условиях интенсивного и нередко достаточно жесткого давления новой промышленной культуры. Это было истоком глобализации культуры. Характерные для промышленной культуры технологические революции значительно изменили сферу бытовой культуры населения, с которой всегда тесно было связано и народное искусство. В этих условиях общественность стран Европы, видные деятели культуры и науки стали поднимать тревогу по этому поводу. Такое понимание ситуации появилось и в России. Деятели земских учреждений попытались поставить изучение народных промыслов на научный уровень. В последнее десятилетие XIX и начале XX в. земские учреждения России собрали, систематизировали немало материалов о различных ремеслах России. Создаются кустарные комитеты, принимается новый Пробринный устав (1896), значительно облегчивший работу народных мастеров по обработке драгоценных металлов.

Кустарный комитет 31 декабря 1899 г. был создан и в Кавказском регионе, в г. Тифлисе⁴. За годы своего существования комитет проделал значительную работу по оказанию разнообразной помощи народным мастерам, сбору материалов о ремесленных промыслах населения региона, подготовке и изданию альбомов, статей, сборников, посвященных народным промыслам Кавказа. Рисунками старинных ковров, собранных комитетом, пользовались и первые кустарно-промысловые союзы, художественные артели советских республик Кавказа.

Для определения программы исследований и выявления реальных проблем был подготовлен и проведен съезд деятелей кустарной промышленности Кавказа. Он прошел в 1902 г. в Тифлисе. Материалы съезда

были опубликованы в специальном издании⁵. Среди статей сборника, подготовленных на основе докладов, есть и сообщения секретаря Дагестанского статистического комитета Е. И. Козубского «Очерк кустарной промышленности в Дагестанской области», бакинского пробирера В. К. Згленицкого «Кустарное производство золотых и серебряных изделий в Бакинском районе и Дагестане и предполагаемые меры для упорядочения и развития оного».

Большую работу по изучению народных ремесел Кавказа, Дагестана в том числе, проделал и член-делопроизводитель комитета А. С. Пиралов. Если его первая книга «Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа» (1900) являлась в основном переложением известных материалов О. В. Маргграфа, то последующее ее переиздание (1913) содержало много новых сведений. Работы А. С. Пиралова, как и исследования Е. И. Козубского, В. К. Згленицкого, значительно обогатили научные знания об особенностях развития дагестанских художественных ремесел в конце XIX — начале XX в.

С установлением советской власти кардинально изменилась ситуация в сфере фольклорной культуры. Новые подходы ознаменовались, в первую очередь, директивным и жестким вмешательством государства в сферу народной культуры. В итоге, многие естественно развивающиеся и демократически организованные явления, характерные для традиционного искусства конца XIX — начала XX в., были деформированы. Произошла централизация и монополизация государством этой сферы и как экономического, и как историко-культурного явления. Народные мастера теперь могли работать только в полугосударственных артелях, позже, в начале 1960-х гг., на госкомбинатах и госфабриках, а народные певцы — петь опять же только на сценах колхозных и государственных клубов, домов культуры и т. д. Открытие государственных художественных предприятий в ряде центров народного искусства, организация государственных фольклорных коллективов, домов народного творчества позволили новой власти переориентировать фольклорную культуру на обслуживание новой власти. Произошла своеобразная административная глобализация. Портреты вождей, изображения видов Кремля, строек пятилеток стали общей чертой «высокохудожественных» произведений мастеров почти всех промыслов России.

Хотя местами сохранялись и индивидуально-семейные формы народного искусства и художественных ремесел, но большого общественного значения они уже не имели. Они были поставлены в тиски жестких запретов. Уже в 1930-е гг. кустари, которые продавали свою продукцию не через кооперацию, а по рыночным ценам, считались спекулянтами⁶. Официальная пропаганда пыталась убедить население в непрестижном характере труда частника и низком качестве его продукции. Поэтому слова «кустарь», «частник», «ремесленник» приобрели в общественном сознании пренебрежительный оттенок. С «частниками» власть активно боролась и другими мерами. После сплошной коллективизации деревни

была поставлена задача «оградить» социалистическую экономику от их активности. Так, в 1948 г. было принято специальное постановление правительства ДАССР «О проникновении частника в кооперацию и предприятия местной промышленности»⁷.

Хрущевские преобразования не принесли «оттепели» ремесленникам-кустарям, работавшим на негосударственных предприятиях. Более того, условия их работы были ужесточены. Было введено большое число запретов на индивидуально-частные ремесленные и иные промыслы граждан. Дело доходило до абсурда. В сфере такого производства, например, запрещалось даже изготовление и реализация прищепок для белья. Волевыми решениями Н. С. Хрущева была ликвидирована и промысловая кооперация⁸. Как результат художественные артели народных мастеров Дагестана также были преобразованы в госпредприятия.

В 1965 г. началась работа по исправлению перегибов. 4 августа 1965 г. Совет Министров РСФСР, а вскоре и правительство Дагестана принимают постановление «О промыслах кустарей и ремесленников». Теперь, например, ковровщица уже могла (с получением регистрационного удостоверения в налоговых органах) ткать ковры для продажи, но... только используя пряжу заказчика (но не свою!!?). При этом регистрационные удостоверения могли выдаваться лишь тем, кто жил и работал в населенных пунктах, не относящихся к «городам республиканского подчинения и райцентрам». По мысли авторов постановления, в городах и райцентрах существовала достаточная для удовлетворения потребностей населения государственная сеть предприятий по производству подобной продукции. Конкуренция же между госпредприятиями и частником категорически исключалась. А чтобы у населения не возникло иллюзий о полной отмене пунктов ранних постановлений, специальным разделом там же перечислялись «запрещенные промыслы», на которые сохранялись запреты. В их числе оставался и промысел по изготовлению ковров из собственного «материала кустаря»⁹. Нецелесообразность и даже абсурдность подобных мер была очевидна даже тогда.

В эти же годы советские общественные науки, в свою очередь, выдвинули тезис о том, что уже в период второй пятилетки (1933—1937 гг.) в стране «процесс кооперирования кустарей был завершен», что промысловая кооперация для кустарей стала «наиболее простым и доступным путем к социализму»¹⁰. На практике такие выводы означали, что в экономике страны должно быть резко сужено место кустарного производства.

С середины 1970-х гг. начинается «потепление» позиции государства по отношению к мелкому производству, особенно в сфере народных художественных промыслов. Рост общественного внимания к традиционной художественной культуре, потребности развития рынка товаров, экспорта, преодоления различных «дефицитов» способствовали отмене многих запретов и ограничений на индивидуальные (частные) художественные промыслы. Постановление правительства СССР «О кустарно-ремесленных промыслах граждан», принятое в

1976 г., уже не содержало многих жестких запретов по отношению к промыслам народных мастеров, других мелких производителей товарной продукции. В то же время постановление сохраняло запреты на промыслы по обработке таких материалов, как медь, драгметаллы¹¹. Работа дагестанских мастеров-ювелиров, работающих индивидуально, продолжала, таким образом, оставаться «запрещенным промыслом».

В то же время государство проводило политику поддержки отдельных очагов традиционного искусства. Были организованы новые артели народных мастеров, государственные комбинаты, фабрики художественных промыслов, было разрешено совмещение надомной работы мастерам, работающим на других предприятиях, развивалась клубная самодеятельность, расширялась сеть домов народного творчества, в рамках которой десятки тысяч народных мастеров и мастериц, музыкантов, танцоров были трудоустроены, получили возможность заниматься тем, чем занимались их отцы и деды. Особое значение приобрела развившаяся сеть госкомбинатов бытового обслуживания, где также могли работать многие мастера. На этих предприятиях бывшие мастера-частники, выполнив «план выручки», могли (хотя и полулегально) работать на себя. Однако самостоятельная частная инициатива в этом деле жестко пресекалась. В этих условиях многие мастера перестали учить детей, переключились на другие, более «безопасные» ремесла. Потому не было случайным, что многие традиционные ремесла заглохли. Страх попасть под статью уголовного кодекса о «запрещенных промыслах», отсутствие рынков сырья, инструмента, материалов, возможности зарабатывать, кормить семьи за счет реализации своих талантов надолго сковал инициативу творцов народной художественной культуры.

Советская эпоха по времени совпала и с процессами интенсивной урбанизации страны, дагестанского региона в том числе, сопровождавшейся ломкой многих составляющих традиционной культуры. Но советская урбанизация в отличие от аналогичных процессов начала XX в. была особым явлением. Городские слои нового времени (вплоть до 1960-х гг.) мало интересовались народным искусством. Их отличало скромное материальное положение, соответственно ограниченные потребности и возможности, а также повышенный акцент на идеологической стороне быта.

Перестройка, переход России в 90-е гг. XX в. на демократические основы власти и рыночные механизмы экономики привели к восстановлению многих утраченных традиций народной культуры, развитию частной инициативы в сфере традиционного искусства, появлению в нем новых направлений, формированию традиций малого предпринимательства в этой сфере. Был восстановлен демократический механизм адаптации, приспособления традиционного искусства к меняющимся реалиям жизни, механизм естественного формирования его новаций. Талантливые мастера, певцы теперь могли творить свободно, без идеологического диктата.

Современную культуру Дагестана трудно представить без значительного пласта традиционной художественной культуры, оставшейся от прошлого и востребованной сегодня. Изучение традиций этой культуры важно не только в научно-теоретическом аспекте, но и в плане оценки их потенциала для решения таких практических задач, как развитие экономики, экспорта товаров, как патриотическое, эстетическое, трудовое воспитание, организация досуга населения. В условиях многонациональной России и существующего многообразия культур важно их осмысление и как особых символов, знаков национальной культуры, наследия и образа Дагестана.

Сохранение этого наследия и бытующих традиций народного искусства в современном обществе обществоведами выдвигается как важная задача. «Наше время дает, — как пишет академик Г. Г. Гамзатов, — основание говорить о глобальном, планетарном характере возрастания интереса к фольклорным истокам эстетического сознания и художественной практики»¹². Причины такого общественного интереса кроются во многих факторах. Среди причин такого явления и «небывалый рост национального самосознания», и защитная реакция общества на тенденции глобализации культуры, нивелировки национального своеобразия культур в условиях постиндустриального общества.

В то же время под влиянием глобализации культурных и экономических процессов, давлением конкурентной борьбы на рынках художественных товаров, ростом поликультурности вкусовых пристрастий, прессинга религиозной идеологии, а также западной, американизированной культуры, а также новейших технологических революций, ряда более локальных факторов усилились и процессы угасания проявлений традиционной фольклорной культуры.

Сегодня традиционное искусство Дагестана бытует в нескольких формах. Это наследие традиционного искусства, сохраняющееся в музейных и иных формах. Оно постоянно пополняется благодаря выявлению все новых произведений народных мастеров прошлого. Главное же, оно оказывается востребованным в его первозданных проявлениях. Это организованные в различные предприятия (государственные, частные) народные художественные промыслы, ориентированные на рынок. Это сценический фольклор, организованный под руководством специалистов различных домов народного творчества и частных спонсоров. Это и самостоятельно развивающиеся формы неорганизованной сферы народной художественной культуры (художественное ремесло, хореографические, песенные элементы свадебных и семейных торжеств). Это и традиционное художественное наследие, находящееся в «движении» (в сфере таких профессиональных форм культуры, как моделирование одежды, эстрада).

Постиндустриальный этап развития российского общества, развитие глобализационных процессов несет с собой много положительного в виде информированности общества, многообразия и доступности благ,

комфорта быта и др. Только улучшение комфортности быта стало значительным звеном прогресса человеческой культуры.

Одновременно они же становятся причиной утраты многих ценностей традиционной художественной культуры. Поэтому, когда сегодня мы говорим о возможных рисках утери ценностей традиционного искусства Дагестана, потерь его ярких составляющих, то, прежде всего, надо иметь в виду, что эти риски часто исходят из новейших «революций» индустриального развития и глобализации социокультурного контекста общественного развития. Социально-культурные явления новейшего времени — это последствия во многом объективных процессов, идущих не только в России, но и в мире. Другое дело, что часто наблюдается отставание в формировании альтернативных, более близких к духовности и ментальности традиционного искусства культурных явлений современного типа. Без этого звена часто невозможно продлить «жизнь» гуманистических начал традиционной культуры и искусства.

Другая опасность кроется в том, что для развития традиционного искусства важным становится поведение элиты общества. Известно, что в процессах формирования новых потребностей и ценностных ориентиров всегда большую роль играла и играет элита общества. «Усвоенное элитой новшество, — пишет известный этнограф С. А. Арутюнов, — подчас почти автоматически приобретает (для нижестоящих социальных слоев) престижное значение»¹³. Известно также, что такое искусство в его высоких формах всегда затратно, оно требует финансовой подпитки и поддержки в виде заказов, покупок таких ценностей, протекционистского отношения к творцам и их труду. К сожалению, последние 20 лет новой эпохи показали, что дагестанская элита часто озабочена не этими проблемами: зачастую ее волнует не традиционная культура, а иные культурные веяния. Неоготика в жилье, эстетика «блеска» — вот элементы новой культуры, заимствуемой ею и потом всеми. Так было и в начале XX в., такое происходит и сейчас, в начале XXI в. Только советская власть полагала, что новации в культуре можно сформировать через бедняцкие прослойки общества. Отсюда и весь драматизм преобразований культуры в 1920—1930-е гг.

Новые риски для традиционной художественной культуры связаны и с позицией власти и органов управления, точнее с отсутствием специальных программ по ее развитию. В свое время советская власть, излишне монополизировав эту сферу, пыталась безуспешно взять всю ответственность за ее развитие «на себя». Механизм финансовых дотаций поддерживал ряд нерентабельных производств народных художественных промыслов, развивал госзаказы на те или иные виды народного искусства. Сегодня другая ситуация. Многое зависит и от самих творцов. Тем не менее, существуют и десятки форм помощи и господдержки традиционного искусства. Но разработка цельной программы по поддержке традиционных форм художественной культуры нередко запаздывает. Часто многое реализуется спонтанно, как разовые

акции. Многое здесь зависит от государственных «штабов» по развитию фольклорной культуры (республиканский и районные дома народного творчества Минкультуры), которые были созданы в советское время, сохраняются и сегодня. Однако практика показывает, как многое зависит здесь от руководства таких структур. Дотационность бюджета республики не позволяет быть очень «щедрым» на поддержку таких программ. Поэтому сегодня идет интенсивное развитие одной отрасли художественной культуры (ювелирное дело), вписавшейся в рыночные ниши нового времени (здесь появляются свои, внутренние инвестиции). Одновременно под влиянием конкуренции импортных товаров, изменений эстетических пристрастий населения идет угасание таких хорошо известных дагестанских ремесел, как керамика, ручное ковроделие, резьба по дереву. Многочисленные попытки господдержки этих промыслов не приводили к успеху. Вероятно, должна быть продумана программа их развития в других направлениях (производство малосерийных сувениров, создание творческих мастерских и т. д.).

Обращает на себя внимание еще одна важная для сохранения нашей традиционной культуры и искусства тема. Речь о сосуществовании светских и исламских традиций в республике. Исламское возрождение сегодня создает немало рисков для развития традиционной художественной культуры Дагестана. В дагестанском обществе уже в 1990-е гг. возникло определенное противостояние между светскими представлениями и религиозным пониманием того, что такое искусство и каковы его общественные функции. Такое противостояние сегодня усиливается. В исламе нет четко разработанной концепции «эстетического». Более того, известны высказывания столпов ислама о чуждом для него характере таких явлений искусства, как скульптура и всякое изображение, «дающее тень», музыкальное искусство. Отношение ислама к народной культуре также общеизвестно. Ислам отрицал и отрицает ее, если она связана с неисламскими по духу представлениями и взглядами людей. В то же время (история Дагестана дает тому немало примеров) ислам не мог выкорчевать наследие народной культуры и искусства и доисламские традиции в обществе продолжали жить. Более того, фиксируется удивительное разнообразие сочетаний исламских и доисламских культов, обрядов, праздников во многих явлениях культур народов Дагестана. Тем не менее, последователи ислама пытаются отрицать многие ценности традиционного искусства.

Многие молодые служители исламских культов в Дагестане, плохо или вовсе не знающие историю его культуры, пытаются выдать ислам за единственную форму исторического наследия культур народов Дагестана. Отсюда и все народное музыкальное искусство (танцы, песни и др.), а также профессиональные формы искусства XX в. объявляются как недагестанские, как явления чуждые нашей культуре. При этом все прикрывается лозунгами борьбы против глобализации культуры, противодействия западной, американизированной культуре. Так, под

влиянием ислама сегодня в Дагестане исчезла традиция яркой декоративности надмогильных памятников. Исламские догматики не смогли побороть народные традиции художественной резьбы на таких камнях, но их влияние проявляется в том, что мастера-резчики, как бывало раньше, не закрашивают узор разноцветными красками (такая традиция сформировалась еще в конце XIX в.). А в ряде сел, где сильны позиции деятелей ислама такого типа, исчезла традиция устанавливать на могилах художественно украшенные памятники, хотя в прошлом в этих местностях такая традиция была широко развита. В ряде сел Дагестана в последние десятилетия уже не играют свадеб с музыкой и песнями. Да и в городах растет процент свадеб, играемых без музыки (свадьбы-мавлиды), составляя, по нашим прикидкам, где-то примерно 5—10% от всех свадеб. В ряде горных районов такое соотношение достигает 50%. Свадьбы-мавлиды часто превращаются в пропагандистские шоу по критике светских традиций. На них звучат речи о том, что свадьба-мавлид — единственно народный для дагестанцев свадебный обряд.

В практике работы современных национальных театров немало случаев, когда, как и в далекие 1930-е гг., коллективы не пускают на гастроли в те или иные села по религиозным мотивам. В ряде высокогорных районов Дагестана была запрещена деятельность сельских клубов, которые, как известно, занимались организацией художественной самодеятельности села, а их помещения переданы мечетям и медресе¹⁴. Очевидно, что надо бороться с крайними, бездуховными формами западной культуры и искусства. Но дагестанское общество несогласно и с деятелями ислама, его рядовыми сторонниками, которые проповедают нетерпимость к инакомыслию, к светским традициям художественной культуры, отрицают ценность традиционной народной культуры Дагестана, ее художественных отраслей в особенности.

А теперь кратко о тех реалиях современной действительности, характеризующих новый этап развития традиционной художественной культуры Дагестана: художественных промыслов и ремесел, музыкального фольклора, сценической и свадебной хореографии. В этих реалиях и попытки решения возникающих проблем, поиска путей снижения рисков развития традиционной художественной культуры. Мы уже отмечали, что в постсоветское время произошла значительная трансформация как всей традиционной культуры Дагестана, так и традиционного искусства в частности. Эти процессы идут сегодня при значительном усилении процессов распространения городской культуры на селе (это одна из черт современной глобализации). Переход России к рыночной экономике, демонополизация одной идеологии, вариативность культуры нового общества, снятие всевозможных запретов советского времени, а также динамичный характер экономических и культурных связей с другими странами стали основными причинами таких изменений. Здесь же отметим, что меняется

парадигма науки, изучающей эти процессы. «В рамках различных наук, где осуществляется осмысление народной культуры, начинает преобладать функциональный подход, где определение данного феномена постепенно перемещается из области его содержания в область условий его функционирования»¹⁵.

Традиционное искусство Дагестана в условиях социальных изменений и процессов глобализации культуры интенсивно впитывают новации, идущие из профессиональной, городской культур, и осовремениваются. Можно отметить и такую характерную особенность традиционной художественной культуры нашего времени, как ее профессионализация. Здесь важную роль играет руководство фольклорными коллективами профессиональных режиссеров, постановщиков, участие в их работе музыкантов, хореографов, культпросветработников, других специалистов, окончивших художественные вузы. В новое время интенсивно развиваются семейные, традиционные формы художественного и трудового воспитания. Не случайно, практически все ювелиры молодого поколения из центров народного искусства, работающие сегодня, освоили свою специальность в семье или у родственников.

Промыслы и ремесла. Современные традиционные промыслы и ремесла Дагестана и сегодня остаются ярким феноменом фольклорной культуры. Как и раньше для них характерно наличие ряда центров (не только сел, но и городов), где индивидуально и семейными группами работает большое число мастеров. В этих центрах сохраняются семейные формы воспитания и обучения ремеслу, традиции кооперации между мастерами разных специальностей, следование многим историческим традициям, высокая степень рукодельности при создании изделий, приемы варьирования. Но за последние два десятилетия по сравнению с позднесоветским периодом они претерпели и существенные изменения. Во многих центрах ювелирного дела, камнерезного мастерства появились развитые индивидуальные, семейные, групповые производства. Многие из них работают с оформлением документов в налоговых инспекциях на предприятиях без образования юридического лица (ПБОЮЛ). Появилось много новых производств (промыслов), значительно обновился ассортимент.

В то же время ситуация в таких видах традиционного искусства, как гончарное дело, ручное ковроткачество, лишенное регулярной государственной поддержки и бюджетного финансирования (через существующие министерства местной промышленности), как это было в позднесоветское время, теряет перспективы. Мощным ограничителем их развития стала конкуренция импортной продукции, так называемых «восточных рынков», куда поступает такой товар из стран Ближнего и Среднего Востока, Китая, Индии и даже Юго-Восточной Азии. Дагестанские челноки, оптовые торговцы активно освоили рынки этих стран. В последние 7—8 лет оживилась и российская промышленность сувенирной и художественной продукции. Поэтому на указанных рынках, как

показывают наши материалы, сегодня немало сувениров (керамических в том числе), ковров российских производителей, предприятий стран СНГ. В этих условиях ниши для ковровой продукции дагестанских мастериц, изделий мастериц гончарного дела из с. Балхар все более сужаются. Как и в позднесоветское время, те же балхарские кувшинчики сувенирных размеров, скульптурные композиции на тему горского этнографического быта, например, в основном покупают туристы из России, число которых из-за сложной обстановки в республике относительно невелико. Еще сложнее с ковровой продукцией. Некоторые малые фирмы в последнее десятилетие стали заниматься возрождением традиций изготовления ковров из пряжи, окрашенной растительными красителями. Такие ковры пользуются, хотя и ограниченным, спросом на международных выставках-продажах.

В последние десятилетия стало заметно и появление новых промышленных центров ремесла. Столица республики Махачкала в последние десятилетия превратилась в крупный центр художественных промыслов Дагестана. Здесь осели многие переехавшие в 1990-е гг. из республик Средней Азии, Казахстана, Азербайджана, Грузии дагестанские отходники-ювелиры. Их численность (без членов семей) составляет сегодня, по примерным оценкам, несколько тысяч человек. Интересно, что многие, кто сразу после переезда закрепился в родных селах, городах Дербенте, Каспийске впоследствии перебрались в Махачкалу. Махачкала привлекает ювелиров наличием «золотых рынков», где можно продавать свои изделия (многие торговцы этих рынков охотно берут на реализацию изделия мастеров). Здесь живут и сюда приезжают из других регионов России, стран СНГ за недорогим товаром немало торговцев ювелирными изделиями. Дело в том, что цены на изделия из серебра и золота в Махачкале существенно ниже, чем в ювелирных магазинах Москвы. Такое же соотношение цен и во многих других городах. В 1990-е гг. дагестанские ювелирные изделия, изготовленные частниками, торговцы вывозили и на Украину, в Белоруссию, страны Балтии.

Махачкала для мастеров привлекательна и наличием здесь более двух десятков ювелирных и антикварных магазинов, салонов, где продают ювелирные украшения, изделия других дагестанских промыслов. Сюда сдают на реализацию свой товар, приезжая из родных сел, мастерицы с. Балхар, ковровщицы Южного Дагестана (как правило, это накидки и небольшие коврики), кубачинские ювелиры (серебряная посуда), мастера, живущие в Махачкале (женские украшения с филигранью, вставками самоцветов, с чернью и гравировкой, со сложной штамповкой). Для сравнения отметим, что в 1980-е гг. в Махачкале существовало всего два таких магазина, специализирующихся на продажах изделий художественных промыслов Дагестана («Дагестан» и «Умельцы Дагестана», открытый в 1986 г.). Здесь были представлены лишь изделия госпредприятий народных промыслов. Хотя «из-под полы» в них можно было купить и изделия мастеров-частников (объемы такой торговли были невелики).

Новацией последних десятилетий стало широкое распространение в республике ювелирных и других технологий ремесленных занятий. Если в позднесоветское время в мастерских по ремонту ювелирных изделий (речь идет о госсистеме предприятий «Рембыттехники», действовавшей в то время) трудно было найти мастеров, умеющих изготовить даже припой для пайки золотых вещей, то сегодня ситуация прямо противоположная: такой припой может изготовить даже подросток, выросший в семье потомственных мастеров. В постперестроечное время появилось производство сувениров из цветных металлов (кинжалы, рога и др.) с широким использованием поделочных вставок, грубой филиграни, штампованного рисунка. В связи с развернувшимся строительством частных особняков широкое развитие получили различные приемы художественной обработки дерева, перенимаемые дагестанскими мастерами из профессионального искусства России, европейских стран.

Раскрепощение законодательства в сфере ювелирных промыслов сняло у мастеров «страхи» советского времени. Хотя и сегодня многие вопросы, связанные с такими промыслами, не решены (дороговизна на легальном рынке драгметаллов вынуждает мастеров покупать такой материал на нелегальном рынке). До сих пор кинжал, сабля, шашка относятся к категории холодного оружия.

Музыкально-песенный и хореографический сценический фольклор. Новым и устойчивым явлением общественной и культурной практики в республике становится проведение различных фольклорных праздников общедагестанского и зонального масштаба. Укажем на некоторые из них. Третий международный фестиваль фольклора и традиционной культуры «Горцы» (25—29 июля 2008 г.) сегодня приобрел характер международного праздника. В последние годы он традиционно приурочивается ко дню (26 июля) принятия Конституции Республики Дагестан.

Решение о проведении такого фестиваля с регулярностью каждые два года было учреждено постановлением Правительства РД в мае 2004 г. Если первый праздник состоялся с приглашением северокавказских гостей (фольклорные и другие ансамбли), то на второй были приглашены коллективы и из других регионов России. География Третьего фестиваля (2008 г.) стала уже международной (в ней приняли участие коллективы из 6 государств (Азербайджана, Турции, Индии, Мексики, Словакии и др.) и 14 регионов России).

Фестиваль стал местом встреч членов международных организаций при ЮНЕСКО по вопросам сохранения нематериального культурного наследия малочисленных народов и создания фондов народного искусства, национального костюма, музыкальных инструментов. На проведение фестиваля было выделено 1 млн 800 тыс. рублей. В рамках фестиваля прошел и региональный фестиваль «Поэзия народного костюма», фотовыставка «Народное искусство Дагестана», выставка-ярмарка изделий декоративно-прикладного искусства.

Отметим и праздник фольклорной культуры, регулярно проводимый в с. Хайхи Кулинского района РД¹⁶. В первый год там был организован праздник лакской песни. Затем идея проекта была расширена, и он стал называться праздником дагестанской песни. Идея организации таких праздников была предложена еще в 2004 г. известным дагестанским композитором Ш. Р. Чалаевым и получила название «Шунудаг». Финансовую поддержку проекту оказал и оказывает меценат, бизнесмен, художник А. Каллаев. К выставке художников в 2008 г. в Хайхи был приурочен и концерт мастеров искусств, что сохранило общий дух проведения ежегодных праздников народной культуры в горном селении. Особенностью таких ежегодных праздников стало и то, что в отличие от многих событий такого типа (фестивали, выставки, конкурсы) не город, а живописная местность горного Дагестана (с. Хайхи) становится центром их проведения.

Много общего с подобными праздниками имели и дни районов Республики Дагестан, приуроченные к юбилеям (80-летию) создания сельских районов (1999—2001 гг.). Для многих сел стали традиционными дни села. Праздниками отмечаются и такие важные события, как завершение работ по проведению газа в район, строительству моста и др. Праздником фольклора стало и празднование 70-летия со дня создания Республиканского Дома народного творчества (2007 г.). 19—20 июля в с. Ахты состоялся фольклорный фестиваль, собравший представителей всех южных районов РД. Он был посвящен историческому эпосу «Шарвели». Первый такой праздник состоялся еще в 1984 г. С этими событиями мы определенно связываем и прошедшую в Махачкале 1—8 июля Первую с международным участием всероссийскую выставку-продажу «Золото России — 2008»¹⁷. Такая выставка проводилась в республике впервые и потому неизбежны были и определенные издержки ее организации, связанные с масштабом, числом участников. В каждом из таких мероприятий важнейшим стержнем, звеном акции становятся исторические образы, традиции фольклорной культуры Дагестана.

Свадебные традиции. Собранные в ходе выполнения проекта материалы о развитии народной свадьбы в новейшее время, о ее связи с еще бытующими формами народной культуры показывают как угасание, так и возрождение ряда явлений традиционного искусства. В частности, сегодня под влиянием традиций городской свадьбы европейская фата и подвенечное платье, другие ее атрибуты практически вытеснили народную обрядовую одежду невесты во многих крупных селах, райцентрах республики.

Новым явлением стало и то, что многие жители, особенно в селах, где сильны позиции исламских (ваххабиты) сил (с. Губден и др.), чтобы не навлекать их гнев, играют свадьбы своих детей в городах. Учитывая, что в последние годы в Махачкале резко выросло число «инвестиционных» квартир, закупленных разбогатевшими сельскими жителями «на всякий случай», число таких свадеб будет расти.

Традиционная свадьба «укорачивается» по числу дней. Все большее распространение получают свадьбы с «упрощенными» процедурами обрядового характера. При этом играет роль и то, что приглашенные городские гости не могут долго оставаться на свадьбе (они планируют вернуться домой по возможности пораньше), что многие сельские жители заняты в сфере мелкого бизнеса, сельхозработ, торговых и других поездок в города и потому также не заинтересованы в продлении свадебных ритуалов. Размеренность традиционной свадьбы ушла в прошлое; все ярче проявляется ее динамизм. Растет «хаотичность» сельской свадьбы. На ней все меньше лиц, понимающих смысл многих традиционных ритуалов. Но зато бывает много приезжих-горожан с мышлением маргинального типа, не желающих понять смысл и значение развития народных ритуалов свадьбы, увлеченных только ее досуговой стороной. Да и рост «технической оснащенности» быта (наличие у многих легковых машин) толкает к такой хаотичности и динамизму свадебной обрядности, приводит к исчезновению медленно идущих по селу свадебных процессий и т. д. Новацией стала замена зурны и барабана на свадьбе (на них играли классическую инструментальную свадебную музыку) на электромузыкальные группы, нередко состоящие не из народных, а профессиональных музыкантов или лиц, окончивших музыкальные школы, училища, вузы. В составе таких ансамблей обязательно присутствует и певец (певцы). Надо отметить, что участники таких групп стараются освоить не только мастерство инструменталистов, но и танцоров, вокалистов. Если учесть, что современные электромузыкальные инструменты позволяют с помощью одного инструмента играть, аранжировать, комбинировать много мелодий, то становится понятной популярность таких групп, состоящих из 1—3 человек. Подработки (зарботки) на свадьбах стали выгодной формой летне-осенних заработков многих музыкантов-любителей. Общая атмосфера массового праздника, который ограничивается несколькими часами, усиливает желание хозяев свадьбы «провести праздник так, чтобы не ударить в грязь лицом». Сегодня резко возросли престижно-показательные функции таких мероприятий, растет стремление сделать их чересчур массовыми, по принципу «не хуже, чем у соседей». Потому многие свадьбы превращаются в грандиозные шоу-праздники. Приглашение до 1000 гостей стало уже не редкостью, а скорее правилом.

Новацией сегодняшних дней стало и обновление приданого. Если в прошлом, в эпоху неразвитости производства фабричной одежды, было принято собирать, накапливать приданое или поздравлять невесту отрезами на платья (эта традиция в горах еще сохраняется только в отдаленной сельской глубинке), то сегодня невеста во многих селах получает от жениха деньги на покупку городской одежды.

«Модным» стал и набор аксессуаров костюма невесты. Обновился набор свадебной посуды. Открытость границ и интенсивный импорт из восточных стран способствует тому, что на рынках республики можно

купить все, что нужно для свадьбы. Если раньше за свадебными «вещами» из Дагестана ездили в Москву, то в постсоветскую эпоху этой проблемы нет вовсе. Новшеством городской свадьбы (в зависимости от того, представители какой народности или этнической группы женятся) стали некоторые традиционные ритуалы, возродившиеся в новое время.

Если раньше готовить еду для свадьбы приглашали родственников родителей, то сегодня это уже редкость. Целые сервисные бригады по обслуживанию свадеб стали нормой, своеобразной специальностью женщин, кто любит и умеет готовить. И не только их, но и выпускниц кулинарных учебных заведений. И надо признать, что пышные застолья отличаются не только обилием, но и хорошо приготовленными блюдами.

Собранный материал показал и то, что в развитии традиционного искусства Дагестана в постсоветский период можно условно выделить два этапа: 1990-е гг. и 2000-е гг. Сегодня это во многом общепринятая периодизация для многих явлений постперестроечной эпохи. В нашем случае речь идет о том, что кризис, поразивший экономику России в конце 1980-х, 1990-е гг., серьезно коснулся и народного искусства. В эти годы разрушилась нарабатанная в позднесоветские годы система финансирования учреждений культуры, система господдержки (через дома народного творчества, Министерство местной промышленности) народных форм творчества, традиционных ремесленных производств (это были фольклорные коллективы, госпредприятия народных промыслов и др.).

В заключении подчеркнем, что с началом XXI в. явлением, кардинально меняющим мир традиционного искусства, традиционной фольклорной культуры, стала глобализация. Хотя в термин нередко вкладывают разный смысл, но общая точка зрения все же выработана. Отработанным является то, что глобализация описывает ускорение интеграции наций в мировую систему в связи с развитием современных технологий, экономических связей, средств массовой информации. Глобализации способствует и расширение культурных контактов между народами, интенсивные миграции людей по странам и континентам. Распространение одинаковых культурных образцов по всему миру, открытость границ для культурного влияния и расширяющееся культурное общение заставили ученых говорить о процессе глобализации современной культуры.

Эти процессы имеют как позитивные, так и негативные стороны. Негативные моменты глобализации кроются в возможности утраты своей культурной самобытности. Происходит это в результате аккультурации и ассимиляции, т. е. чрезмерно активное общение и заимствование опасно потерей культурной самобытности. Позитивное в том, что демократически организованное и никем не контролируемое заимствование культурных ценностей позволяет народам больше общаться между собой

и узнавать друг о друге. Общение и познание способствует сближению народов. Поэтому сохранение культурного своеобразия, культурного разнообразия в современном обществе стало оцениваться как высшее достижение цивилизации¹⁸.

Примечания

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

² Гацак В. М. Фольклор — память традиции (Уровни и формы этнопоэтической константности) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. Вып. 8. Махачкала, 2000. С. 95.

³ См., например: Магомедов А. Дж. Художественные промыслы Дагестана в XX веке: реалии практики и позиция власти. Махачкала, 2003; Он же. Традиционное искусство Дагестана в контексте социальных преобразований XX века. Махачкала, 2007.

⁴ Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа // Весь Кавказ. Баку, 1914.

⁵ Труды Первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа. Тифлис, 1902.

⁶ Осокина Е. А. Предпринимательство и рынок в повседневной жизни первых пятилеток на примере рынка потребительских товаров // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999. С. 349—350.

⁷ Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД). Ф. 168-р. Оп. 39. Д. 8. Л. 139—146.

⁸ См.: Назаров П. Г. История Российской промысловой кооперации. Кн. 1—9. Челябинск, 1993. С. 297. URL: <http://agartis.narod.ru> (дата обращения 15.07.2007).

⁹ ЦГА РД. Ф. 168-р. Оп. 63. Д. 16. Л. 6—7.

¹⁰ Мотус П. П. Кустарное производство // БСЭ. 3-е изд. Т. 54.

¹¹ Собрание постановлений правительства СССР. 1976. № 7.

¹² Гамзатов Г. Г. Национальная художественная культура в калейдоскопе памяти. М., 1996. С. 342, 365.

¹³ Арутюнов С. А. Народы и культура. Развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 187.

¹⁴ Муртузалиев С. И. Северный Кавказ с «изнанки» и «снаружи». Махачкала, 2007. С. 147; 153—154; информация к. иск. Г. А. Султановой // URL: <http://www.riadagestan.ru> (дата обращения 10.09.2008).

¹⁵ См.: Костина А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия // URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/> (дата обращения 25.12.2009).

¹⁶ URL: www.riadagestan.ru/news/2008/07 (дата обращения 30.07.2008).

¹⁷ URL: www.riadagestan.ru/interview/2008/03/31/48/ (дата обращения 04.04.2008).

¹⁸ См.: URL: http://ohtvet.mail.ru/question/20196913/?from=search_results (дата обращения 01.10.2009 г.)

Т. А. КОТЛЯРОВА
(Кемерово)

Проблемы реконструкции и трансляции празднично-обрядовых форм народной культуры Кемеровской области

Под возрождением празднично-обрядовых форм народной культуры мы понимаем процесс сбора, сохранения и реконструкции народных праздников и обрядов, наследуемых поколениями людей в ходе исторического развития человечества, а также процесс обновления и адаптации народных праздников и обрядов к современной социокультурной реальности на основе диалектического единства традиционного и новаторского в культуре.

В среде ученых и практиков, занимающихся исследованием трансформационных процессов, происходящих в празднично-обрядовой культуре, есть ряд вопросов, требующих решения. Возможно ли реконструировать и стоит ли предпринимать усилия по трансформации традиционных празднично-обрядовых форм? Итак, возрождение празднично-обрядовых форм народной культуры — не прихоть ученых, не заблуждение и не очередная утопия. Как известно, в народной среде трансляционные процессы носят стихийный характер. Современная жизнь вносит свои коррективы в этот механизм, поскольку широкое распространение письменности, аудио- и видеотехники открывает новые возможности для сохранения, транслирования текстов. Сегодня появилась возможность получить тексты, минуя носителя, опосредованно, используя печатные издания, звукозаписи, в том числе многоканальные, видеозаписи. Стали общедоступны сборники песен, альбомы декоративно-прикладного творчества, тиражируются аудио, видео концертных программ исполнителей народного творчества. Подобную картину можно наблюдать не только в фольклорной практике, но и в современных направлениях народной культуры. Однако в наибольшей степени изменения затронули архаическую народную культуру, классический фольклор. Разрушение традиционной среды, изменение образа жизни, сокращение сельского населения как носителя фольклорной традиции

подрывают устой естественного механизма передачи народной культуры. Современные исследователи песенного, хореографического, обрядового фольклора отмечают затухание или практически полное исчезновение фольклорной традиции, ее вытеснение массовой культурой. Она предстает как фрагментарная, мозаичная.

Во-вторых, культура не развивается исключительно по принципу прогресса, когда каждая новая степень демонстрирует ее наиболее совершенные и новые образцы, а традиционные ее пласты отстают в прошлое и забываются. Как известно, история не только происходит в соответствии с линейным развертыванием времени, но и демонстрирует циклические процессы. Это означает, что на исходе каждого цикла она вновь устремляется, казалось бы, к пройденному, устаревшему, чтобы включить его в культурные процессы на новом этапе истории [Формы досуга 1993, 6—7]. Н. В. Солодовникова, характеризуя культуру, выделяет два генетически различных слоя: «нижний» (традиционный) и «верхний» (инновационный). В отличие от традиционного, по ее мнению, инновационный слой включает в себя новые по отношению к традиции явления. Именно в том, что в любой культуре, хотя и в разной степени, содержатся и традиционный, и инновационный слои, и состоит залог ее развития. В таком контексте культура выступает как единство преемственности и обновления, предполагающее, с одной стороны, использование культурных ценностей, накопленных предками и бережно сохраненных потомками, а с другой — изменение существующих традиций и отторжение того, что больше не соответствует духу времени. Следовательно, можно говорить о культуре как о взаимовлиянии и противоборстве традиции и инновации. И если не всегда одерживает верх традиция, то, в крайнем случае, она сохраняется в глубине общественного бытия [Солодовникова 2006].

В-третьих, в качестве аргумента в возможном споре по поводу возрождения празднично-обрядовых форм народной культуры обратим внимание еще на одну закономерность. Эта закономерность социально-психологического свойства. Дело в том, что интерес к народным праздникам и обрядам сегодня достаточно высок. Реформы, проводимые в экономической и социальной сфере, несомненно, приведут к развитию индивидуализма. Если не миновать гипертрофированного развития индивидуализма, то, естественно, что культура должна будет вызывать к жизни механизмы компенсации, восполнения этого индивидуализма и его, хотя бы иллюзорного, преодоления. Дабы снять остроту социального неравенства в общественной жизни в культуре должны получить развитие такие формы, в которых акцентируется ориентация на коллективные ценности или те самые празднично-обрядовые формы традиционной культуры, которые на протяжении последнего столетия находились в стадии угасания. Таким образом, празднично-обрядовая культура должна стать формой массового общения и одновременно актуализации сопричастности индивида к коллективному сотворчеству.

Празднично-обрядовые формы современной русской культуры двусоставны: а) собственно народные праздники и обряды во всех их проявлениях в городе и на селе; б) трансформированные формы, использующие элементы народной празднично-обрядовой культуры в современных праздниках и обрядах, а также в педагогическом процессе в начальной, средней и высшей школе, в детских школах искусств, учреждениях культуры и др.

Как показывает практика изучения традиционной культуры Кемеровской области, народное творчество региона находится на стадии полного исчезновения. Лабораторией народной музыки КемГУКИ уже более 20 лет ведется собирательская деятельность. На сегодня можно констатировать полное отсутствие календарно-обрядового фольклора, жанры эпического рода также утрачены (музыкальные жанры). По результатам последних экспедиций (последние 5 лет), на территории Кемеровской области фиксируются только жанры городского фольклора. И это, на наш взгляд, показательно. Кузбасс — индустриальный регион с немногочисленным сельским населением, которое за последние годы уменьшилось. Однако такое положение вещей не является особенностью только Кемеровской области. Очаги традиционной культуры, еще 10 лет назад существовавшие (белорусское Полесье, южно-русская традиция), также практически полностью утрачены. Поэтому деятельность центров, лабораторий, научно-исследовательских институтов, отдельных исследователей народной художественной культуры необходимо сконцентрировать на отработке механизмов сохранения и реконструкции традиционной культуры.

Для детального анализа реконструктивных и трансляционных процессов, происходящих в народной культуре Кемеровской области, остановимся на деятельности Кемеровского областного центра народного творчества и досуга, являющегося координатором работы сельских клубов, домов и дворцов культуры. Ныне действующий Центр был создан в 1979 г. В настоящее время он работает над реализацией долгосрочных планов по сохранению народного творчества Кемеровской области, которые закреплены в программах «Культура Кузбасса» и «Культура села Кузбасса». Основными направлениями его деятельности обозначены реализация областных и всероссийских культурных проектов и программ в сфере народного художественного творчества и любительского искусства; сохранение и восстановление традиционной культуры Кузбасса; организация и проведение мастер-классов, семинаров-практикумов; разработка и издание репертуарных и методических сборников; методическая помощь культурно-досуговым учреждениям области в развитии художественного народного творчества и любительского искусства. Работа Центра строится в соответствии с потребностью населения по следующим жанровым направлениям: самодеятельное художественное творчество, фольклор, декоративно-прикладное и изобразительное искусство, культурно-досуговая, информационно-издательская, органи-

зационно-методическая работа. Центр осуществляет государственную политику сохранения и развития нематериального культурного наследия и является организатором фестивалей, праздников, смотров, конкурсов по различным жанрам самодеятельного творчества. В настоящее время Центр осуществляет работу с 776 учреждениями культуры области. Для анализа деятельности Центра в динамике представим результативность творческой деятельности в области народной культуры за прошедшие пять лет (2004—2009 гг.). На 1 января 2009 г. в области работает 4534 клубных формирования народного творчества, которые, по сравнению с 2004 г. возросли на 331 единицу. В области насчитывается 267 хоровых коллективов, 963 хореографических ансамбля, 578 театральных коллективов, 39 оркестров русских народных инструментов. Более подробно необходимо остановиться на отделе фольклора, целью деятельности которого является сохранение и трансляция традиционной народной культуры Кемеровской области.

Одной из основных задач, решаемых отделом фольклора, является преемственность и сохранение фольклора Кемеровской области. Все областные фестивали, конкурсы и семинары, проводимые отделом, направлены на решение этой проблемы. Сохранение культурного наследия народов своего края, традиционной культуры, создание условий для их дальнейшего развития — приоритетная цель Центра и учреждений культуры области. В области насчитывается 305 фольклорных коллективов, которые по сравнению с 2004 г. увеличились на 6 единиц. С каждым годом среди деятелей культуры, клубных работников становится все больше сторонников приобщения населения, особенно детей и молодежи, к ценностям народной культуры. Решая эти задачи, Центр организует и проводит региональный фестиваль-конкурс детских и юношеских фольклорных коллективов «Рождество в Березовском». Фестиваль-конкурс проводится по разным номинациям. Обязательным условием фестиваля-конкурса является включение в программу элементов новогодних и рождественских обрядов. Для сохранения и пропаганды традиционной культуры коренных народов Кузбасса с 2003 г. в г. Мыски, Таштагол и Междуреченск отделом фольклора совместно с департаментом культуры и национальной политики Кемеровской области проводится региональный фестиваль детского творчества коренных народов Сибири «Элим». Юные шорцы и телеуты представляют на празднике свою национальную культуру, исполняя песни на родном языке и играя на национальных инструментах — чаткане, кай-комусе, тебер-комусе.

Раз в два года проводится областной фестиваль-конкурс собирателей и исполнителей фольклора «Музыкальный ларец», традиционно проводимый на территории Музея-заповедника «Томская писаница». Целями и задачами фестиваля-конкурса являются приобщение творческих фольклорных ансамблей к изучению своих национальных корней, семейных традиций; воспитание уважения к предкам; преемственность поколений;

популяризация лучших произведений фольклора, сохранение существующих и восстановление забытых народных традиций Кемеровской области; выявление новых самобытных национальных коллективов и отдельных исполнителей старинных песен, танцев, плясок; исполнителей народного эпоса, мастеров-умельцев декоративно-прикладного и изобразительного искусства. Анализ данного мероприятия показывает, что творческие коллективы старшего поколения представляют на сцене аутентичный (подлинный) фольклор, воспроизводя местную традицию; молодежь — вторичный (реконструированный) фольклор. Варианты сценического воплощения фольклора Кемеровской области исполняют участники любого возраста. Также на территории Музея-заповедника «Томская писаница» раз в два года, накануне празднования Ивана-Купалы, проходит Областной фестиваль фольклорных коллективов «Сибирские самоцветы». В 2004 г. в нем приняло участие 24 коллектива и 18 отдельных исполнителей (390 человек), в 2009 г. — 27 коллективов и 22 отдельных исполнителя (430 человек).

В 2007 г. на территории Ижморского района был проведен Первый областной фестиваль-конкурс детских и юношеских фольклорных коллективов «Троицкие забавы» (30 коллективов — 560 человек). В программе фестиваля были представлены лучшие образцы детского фольклора в его жанровом разнообразии. В 2006 г. Центр совместно с Кемеровским отделением Сибирского казачьего войска организовал и провел областной фестиваль казачьей культуры (более 500 человек), способствующий поддержке, популяризации, развитию, сохранению и возрождению культуры и обычаев казачества Кемеровской области, а также развитию всех видов и жанров самодетельного народного казачьего творчества и образованию культурных связей между национальными диаспорами Кузбасса.

Несомненно, все приведенные мероприятия направлены на сохранение и трансляцию народной культуры, однако нами были выявлены и существенные недостатки в работе Центра.

В процессе реконструирования празднично-обрядовых форм народной культуры Кемеровской области много случайного, порой даже вредного, педагогические и социально значимые возможности использования зрелищно-игрового фольклора в праздниках и обрядах реализуются неумело, малоэффективно. Работники учреждений культуры не знают ритуально-магических функций того или иного ритуала или народного праздника, не умеют привлечь пассивных зрителей к участию в действе. Организуя праздники и обряды в парке, клубе, на улице, чаще всего эксплуатируют образно-символические элементы народных праздников как чисто видовой антураж, даже не пытаясь вникнуть в существо воспроизводимого традиционного образа или действия, выяснить их социально-историческую и эстетическую природу и тем самым осознать меру их педагогических возможностей в наше время. Например, в Кемеровской области нет традиционного праздника, который собирал

бы столько участников и зрителей, как Международный фестиваль-конкурс «Саянское кольцо» в Красноярском крае, (в 2009 г. — более 70000 человек). Наиболее масштабным мероприятием по количеству участвующих в Кемеровской области выступает только Всероссийский конкурс хореографических коллективов (2000—3000 человек).

Фольклорные элементы довольно часто используются как чисто декоративный материал, никак не связанный с художественными и организационно-педагогическими задачами праздника и обряда. Декоративность, экзотика, по мнению некоторых специалистов, способны создать настрой, «дух» праздника. Особенно это коснулось народного костюма, превратившегося в атрибут сценического действия.

Стремясь угодить моде, многие коллективы забывают о глубокой духовно-нравственной основе народного творчества, т. е. не беспокоятся, по существу, о главном — о сохранении традиций. Многочисленные певческо-стильные недочеты в исполнении, грубые ошибки в проведении обрядов и костюмах участников, к сожалению, типичны для самых различных самодеятельных коллективов. В конечном счете, приводят к искаженному видению народных традиций. Спекулятивное использование популярных народно-поэтических образов в качестве «экзотики», вульгаризация в подаче, превращающих культуру в бескультурие, бывают нередкими на наших празднично-обрядовых мероприятиях. Фольклорно-игровая атрибутика употребляется невпопад, а иногда в противовес своей традиционной семантике, что не только искажает исконную природу игрового действия, но и лишает сам праздник целесообразности и образности (например, сжигают чучело Зимы, представленной в образе русской красавицы).

Неизмеримо большим недостатком — бедой, по выражению самих практиков, — является нарушение законов народной праздничной культуры, вследствие чего участники праздника делятся на «зрителей» и «исполнителей». В результате профанируется само присутствие на праздниках скоморохов, балаганных дедов, раешников. Особенно важно отметить и то, что совершенно игнорируются реализованные в зрелищно-игровом фольклоре принципы народной педагогики, что ведет, в конечном счете, к тому, что основная масса участников праздника — зрители, наблюдающие со стороны за происходящим.

Необходимо отметить и слабую речевую культуру современного народного праздника. В процессе реконструкции празднично-обрядовых форм работники учреждений культуры редко учитывают особенности местных певческих традиций, что приводит к деформации народных праздников и обрядов. Наблюдения за практической деятельностью по внедрению традиционных праздников в современную социокультурную деятельность, беседы с организаторами и руководителями, анализ сценарных планов и методических рекомендаций убеждает в том, что народные традиции работниками учреждений культуры используются малоэффективно. Сами организаторы праздников и обрядов признают

свою несостоятельность по реконструкции, выделяя следующие причины такого положения: отсутствие глубоких знаний и достаточного количества методической литературы в этой области. К тому же отмечается незаинтересованность вышестоящих органов власти в транслировании региональной культуры; отсутствие материальных средств на научную и экспедиционную деятельность. Экспедиционные материалы по Кемеровской области, вышедшие небольшими тиражами, несравнимы с выпуском «Антологии Красноярской песни» и «Песни Алтая» ни по объему, ни по значимости. Чтобы проделать эту работу, нужны не только многочисленные экспедиции, но и привлечение специалистов по обработке и нотации музыкального материала, технические редакторы и не малые финансовые средства.

Мониторинг работы по сбору и обобщению статистических данных по сети клубных учреждений Кемеровской области призрачен. Третья часть цифровых показателей пуста. Многих учреждений уже не существует, но фактические документы говорят об обратном. В населенных пунктах, где численность жителей не превышает 500 человек, нет самостоятельных коллективов. С другой стороны, если в таких учреждениях директором назначен человек, не имеющий к культуре никакого отношения, то вывод напрашивается сам собой.

Методическая помощь руководителям вокальных коллективов в Кемеровской области проводится только на областном уровне. Необходимо пересмотреть и внести поправки в Устав Областного центра народного творчества и досуга, которые позволят проводить курсы и выдавать сертификаты, свидетельства о повышении квалификации. Примером такой работы служат центры Алтайского и Красноярского краев, которые регулярно проводят недельные курсы, с участием не только специалистов своего края, но и ведущих специалистов Москвы и Санкт-Петербурга, по окончании которых каждому выдается сертификат. В Сибири не практикуются лаборатории на базе государственных академических русских народных хоров, которых у нас два — в городах Омске и Новосибирске. Пример такой деятельности — курсы на базе Уральского академического русского народного хора, Кубанского академического казачьего хора, информационные письма о которых регулярно рассылаются во все регионы.

Остро стоит и вопрос о финансовой поддержке народной культуры. Всем известно, что еще десять лет назад на это направлении расходовались огромные средства и никто не считал и не задумывался, сколько тратится в стране, в республике, области, крае на фестивали, праздники, на содержание руководителей, подготовку и переподготовку специалистов. В настоящее время сметы на проведение всероссийских и межрегиональных фестивалей и конкурсов в три раза меньше, чем три года назад.

Поэтому, нам видится необходимость в разработке федеральной программы поддержки, сохранения и развития фольклора и народного

творчества, которая должна дополняться краевыми, областными программами, а те в свою очередь — городскими и районными. Каждая из них будет иметь свой уровень научно-теоретического обоснования, свои приоритеты и предметную направленность. Федеральная программа должна точно излагать основы государственной политики в области фольклора, ремесел, народного творчества, иметь законодательную и экономическую базу, содержать крупные исторические и теоретические аспекты, профессиональный аппарат. Районная программа — это план из основных направлений конкретной практической деятельности, куда входят локальные приоритеты и особенности с учетом исторического опыта.

Возрождение традиций в быту, поведении, культуре как национальная задача должно стать сегодня составной частью образовательной и культурной политики как на уровне государства, так и на региональном уровне.

Литература

Солодовникова 2006 — *Солодовникова Н. В.* Традиции и новации в народной художественной культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006.

Формы досуга 1993 — Традиционные формы досуга: история и современность. М., 1993.

В. Ю. БАГРИНЦЕВА
(Омск)

Деятельность учреждений культуры Омской области по реконструкции восточнославянского фольклора

В начале XXI в., когда стремительно сужается и дробится сфера фольклора, одновременно в обществе нарастает интерес к живым традициям, потребность восстановления преемственности в культуре. Тезис о необходимости сохранения и развития традиционной народной культуры, использования ее потенциала сегодня становится популярным. Произошедшая на государственном уровне качественная переоценка ценности фольклора закреплена в федеральном документе «Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009—2015 гг.». Однако для кардинального изменения сложившейся в советское время системы культурной практики требуются и уточнения в определениях объектов нематериального культурного наследия, и разработка новых концептуальных подходов к проблемам и методам их сохранения и развития, и совершенствование нормативно-правовой базы деятельности.

«Поиск путей, разработка и внедрение методов, средств и форм поддержки, сохранения и развития традиционной народной культуры, то есть методическое обеспечение всей практической работы — это основная задача специалистов Домов (Центров) народного творчества»¹ (далее — Д(Ц)НТ). Однако практика сохранения и развития традиционной народной культуры часто оказывается малоэффективной.

Сохранение фольклора как одного из жанров самодеятельного народного творчества значительно не меняет положения дел; продуктивные формы фольклора и сферы фольклоризма, процессы которого служат оживлению глубинных механизмов фольклорной культуры, по-прежнему остаются за пределами внимания официальных структур, тогда как псевдофольклор (а по сути, масс-культура) продолжает активно поддерживаться. Ориентация фольклорных коллективов на сценическое воспроизведение и развлекательную сторону фольклора, театрализа-

цию и «оживление» песни с помощью банальной иллюстративности, на упрощенные или, наоборот, перегруженные чуждыми природе фольклора привнесениями авторские интерпретации, создание яркого колорита без учета стилеобразующих элементов локальных традиций и функциональности привычно выдаются за способы развития народных традиций, подменяют реальную кропотливую работу по их изучению, ответственному представлению и поиску форм преемственности в новых социокультурных условиях. Отнесение Д(Ц)НТ к учреждениям культурно-досугового типа, определение соответствующих критериев оценки, форм отчетности (форма государственного статистического наблюдения № 7—НК «Сведения об учреждениях культурно-досугового типа» включает данные о досуговых мероприятиях и любительских формированиях) и планов по платным услугам практически ставят деятельность в зависимость от не слишком требовательных вкусов потребителей, а комплексное изучение, сбор и популяризацию фольклора, как правило, осуществляют созданные при многих региональных Д(Ц)НТ базовые фольклорные коллективы.

Включение деятельности по сохранению русской традиционной культуры в структуру работы центров (отделов) национальных культур, созданных в полиэтнических регионах при Д(Ц)НТ или в качестве самостоятельных учреждений, также ограничивает задачи и возможности развития направления представительско-демонстрационным характером культурных мероприятий; распространенная культурно-художественная практика национально-культурных объединений в выборе «внешних» признаков национальных культур не позволяет в полной мере задействовать ресурсы традиционных культур. Заботясь о воспитании культуры межнациональных и межконфессиональных отношений, организации представляют русскую культуру как культуру одной из 120 национальностей, часто игнорируя тот факт, что русские — это более 80% населения территории (цифры в разных регионах варьируются). В конструкциях национально-культурных центров русское направление чаще представляется казачьей тематикой и эпизодическим участием в мероприятиях, проводимых совместно со структурными подразделениями Русской православной церкви. Процессы урбанизации и интернационализации негативно отразились на этнокультурных бытовых традициях всех этносов, но в большей степени уязвимы оказались традиции русского народа.

Общее положение дел усугубляется малым кадровым корпусом специалистов, решающих серьезные задачи по всестороннему изучению и восстановлению отдельных форм и комплексов традиционной народной культуры, ведущих самостоятельный научный и методический поиск. Не сформирована общегосударственная система комплексной подготовки и переподготовки кадров в сфере традиционной культуры. Проблемой остается острая нехватка специалистов с музыкальным фольклористическим образованием, способных заниматься сбором,

систематизацией и расшифровкой экспедиционных записей образцов традиционной музыкальной культуры, подготовкой научных, учебно-методических, популярных публикаций, репертуарных сборников, организацией фольклорно-этнографических ансамблей, наследующих местные певческие традиции с учетом их диалектно-стилевого и историко-культурного своеобразия, введением музыкального фольклора в достоверной форме в культурную практику в системе учреждений клубного типа, в образовательный процесс в системе дополнительного образования, на специальных отделениях детских музыкальных школ и школ искусств. Отсутствуют и педагогические кадры, способные готовить таких универсальных специалистов.

В последнее десятилетие в ряде регионов России наработан положительный опыт по реконструкции, актуализации, популяризации народных традиций, воспитанию подрастающего поколения на основах традиционной культуры, привлечению активной части молодежи к освоению ее продуктивных форм. В число таких территорий входит и Омская область. К проектам, успешно реализующимся на территории региона и использующим потенциал традиционной культуры, следует отнести и организацию системы деятельности по этнокультурному направлению, и опыт сотрудничества с научными и общественными организациями в совместной разработке и реализации проектов, и развитие учреждениями культуры результативных локальных форм работы.

В Омской области проживают представители 124 национальностей, основные этнические группы — русские (83,5%), казахи (3,9%), украинцы (3,7%), немцы (3,7%), татары (2,3%). В целевой программе Омской области «Культура Омской области на 2009—2011 гг.» раздел «Этнокультурное развитие народов Омской области, государственная поддержка самодеятельного художественного творчества» включает подраздел «Проведение мероприятий по поддержке русской народной культуры и художественных ремесел» (а также циклы мероприятий по программам областного фестиваля русской культуры «Душа России», фестиваля национальных культур «Единение», проекта «Духовное возрождение», методическому обеспечению культурно-досуговой деятельности, проведению межконфессиональных и научно-практических конференций). В 16 из 32-х районов реализуются муниципальные целевые программы (подпрограммы) поддержки традиционной культуры, динамично развивается сеть центров русской традиционной культуры (далее — ЦРТК). В основе их деятельности — рассмотрение русской традиционной культуры как составной части восточнославянского комплекса культур, взаимодействующего с культурами других народов, населяющих Сибирь.

Система ЦРТК охватывает практически все районы области, 5 центров являются юридическими лицами (бюджетное учреждение культуры Омской области «Историко-культурный комплекс “Старина Сибирская”» в р. п. Большеречье, муниципальные межпоселенческие учреждения в

Горьковском, Седельниковском, Знаменском, Муромцевском районах), в большинстве районов центры выступают специализированными отделами (филиалами) централизованных клубных систем, районных домов культуры или домов народного творчества, в г. Называевске, р. п. Саргатском — подразделениями историко-краеведческих музеев, в р. п. Полтавке — отделом Центральной районной библиотеки, в Исилькульском, Москаленском, Нововаршавском, Оконешниковском районах центры находятся в сельских поселениях. В районах с большим числом украинского населения созданы центры славянской культуры. Координационную и методологическую функции осуществляет отдел русской традиционной культуры (Сибирский культурный центр) бюджетного учреждения культуры Омской области «Государственный центр народного творчества» (далее — ОРТК ГЦНТ).

Центры традиционной народной культуры выступают организационной формой, позволяющей эффективно решать проблемы сохранения и развития традиционной культуры, в сети учреждений культуры они играют роль координационно-методических подразделений и научно-практических и творческих лабораторий. Сложность их работы обусловлена ее междисциплинарным и интегрированным характером, неразработанностью правовых аспектов деятельности и общим неудовлетворительным состоянием материально-технической базы отрасли. Дискуссионными остаются и предмет деятельности, и ее статус в существующей системе учреждений культуры. Тем не менее, возрастающий темп культурных изменений, как ни парадоксально, делает востребованными народные традиции, придающие культуре самобытный характер и способные служить источником новых форм. Исследовательская и организационно-методическая работа центров, широкомасштабная учебно-методическая и консультационная работа ОРТК ГЦНТ позволила значительно активизировать внедрение культурного наследия в деятельность учреждений культуры региона. К сожалению, в условиях так называемой оптимизации отрасли и сокращения финансирования резко ограничили возможности развития центров, укрепления их материально-технической базы, в ряде центров произошло сокращение штатного расписания.

Анализ итогов работы ЦРТК за последние 5 лет свидетельствует, что сегодня в системе учреждений культуры формируется новый тип учреждения, включающий в структуру деятельности исследовательский, экспериментально-творческий и образовательный компоненты. Центры занимаются выявлением и фиксацией образцов народного искусства (объектов нематериального культурного наследия), реконструкцией элементов народных праздников, обрядов, традиционного костюма, фольклорных и ремесленных традиций, разработкой и внедрением новых форм просветительской, досуговой и образовательной деятельности. ЦРТК успешно развивают инновационные формы работы с детьми и молодежью.

На основе анализа результативного опыта и выявленных проблем в работе центров Омской области и практики других регионов России² с целью закрепления в виде нормативов необходимых параметров, обеспечивающих устойчивое функционирование центров, в 2009 г. Министерством культуры Омской области был разработан Модельный стандарт деятельности ЦРТК. Стандарт может быть использован органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями культуры в качестве методических рекомендаций по формированию эффективной системы деятельности по сохранению и развитию традиционной культуры разных этнических групп.

Являясь одной из разновидностей этнокультурного центра, ЦРТК аккумулирует особенности других его подвидов (Дома народного творчества, где работа строится по жанрам самодеятельного творчества, центров национальных культур, рассматривающих национальные культуры в их взаимосвязи и взаимодействии, домов фольклора и ремесел, ведущих углубленную исследовательскую и реконструктивную работу), а также, осваивая смежные виды деятельности, включает функции и некоторые виды деятельности, свойственные домам культуры, информационно-методическим центрам, а также музейно-выставочным комплексам, библиотекам и образовательным учреждениям. Таким образом, центр является инновационной интегрированной моделью учреждения культуры, вырабатывая принципиально новые формы и методы работы.

В Модельном стандарте предложено следующее структурирование различных видов деятельности:

1. Сохранение традиционной культуры — научно-исследовательская, организационная, реконструктивная деятельность, направленная на выявление, изучение и пропаганду традиционной культуры в естественных формах ее бытования, пополнение, консервацию и охрану фондов фольклорно-этнографических материалов.

2. Актуализация традиционной культуры — организационно-методическая, реконструктивно-творческая, художественно-творческая, образовательная, воспитательная, обрядовая, ремесленная, хозяйственная деятельность, направленная на внедрение жизнеспособных элементов, комплексов явлений и форм традиционной культуры в современную практику, восстановление жизненно важных смыслов, идей, духовных основ культуры, запуск механизмов самовоспроизводства традиций.

3. Развитие народных традиций — образовательная и просветительская деятельность, направленная на воспитание художественного вкуса всех слоев населения на лучших образцах народного искусства, художественно-творческая деятельность индивидуумов и творческих групп по созданию современных произведений, основанных на интерпретации и творческом освоении традиционных жанров и образов, организационная деятельность по созданию благоприятных условий для включения традиционной культуры в контекст современной, создания и воплощения национальных традиций, идей, образов в профессиональном искусстве.

- К основополагающим видам деятельности ЦРТК отнесены:
- координация процессов сохранения нематериального культурного наследия и художественных ремесел на обслуживаемой территории; информационное обеспечение субъектов культурной политики по предмету деятельности;
 - разработка, организационное обеспечение программ и проектов сохранения и развития традиционной культуры и художественных ремесел;
 - организация информационно-методической и практической помощи по различным направлениям деятельности учреждений культуры в сфере традиционной культуры;
 - выявление объектов нематериального культурного наследия, поддержка творческой деятельности носителей традиционной культуры;
 - создание, сохранение и пополнение собраний фольклорно-этнографических материалов;
 - создание и экспонирование предметов традиционной культуры, предметов декоративно-прикладного искусства;
 - создание клубных формирований и любительских объединений по освоению местных фольклорных и ремесленных традиций;
 - разработка творческих проектов и методических рекомендаций по организации и проведению народных праздников, конкурсов и других мероприятий разных форматов, организуемых с целью популяризации и развития традиционной культуры, народных художественных промыслов и ремесел;
 - разработка новых видов услуг на основе народных традиций.

Специфическими признаками, выделяющими сегодня центр среди других учреждений культуры, является наличие фондов, фольклорно-этнографических ансамблей, ремесленных студий-мастерских, лабораторий традиционного костюма, проведение экспедиций, практикумов по русской традиционной культуре, съезжих праздников, выставок и выставок-ярмарок народных ремесел. Генеральная задача центров как творческих лабораторий в структуре отрасли — разработка и апробация инновационных проектов, позволяющих содержательно реформировать деятельность учреждений культуры. А ведь именно учреждения культурно-досугового типа, по федеральной концепции, «являются основными хранителями народных традиций»³. В Омской области постепенный процесс такой корректировки работы клубных учреждений происходит и в результате работы ЦРТК, и вследствие открытия на базе Областного колледжа культуры и искусства на заочном отделении специализации «Этнохудожественное творчество», позволяющей работникам культуры села овладевать широким спектром умений и навыков в сфере традиционной народной культуры. Кроме того, в целях подготовки менеджеров в этнокультурной сфере проводятся специализированные курсы профессиональной переподготовки и повышения квалификации на базе государственного образовательного учреждения Омской области «Региональный инновационный центр».

Вопросы обеспечения ЦРТК музыкантами-фольклористами сегодня в большей степени возлагаются на Омское музыкальное училище им. В. Я. Шебалина, где на базе отделения хорового дирижирования открыта специализация «Руководитель народного хора». Государственный образовательный стандарт позволяет готовить комплексных специалистов, сочетающих умения и навыки теоретиков-фольклористов и исполнителей. Фольклорно-этнографический ансамбль «Новая деревня», состоящий из учащихся специализации, демонстрирует эффективность такого обучения. На Первом Европейском чемпионате по фольклору (г. Несебр, Болгария, 2009 г.) коллектив стал обладателем Гран-при. Обучаясь, нарабатывая мастерство, студенты активно включаются в реализацию областных этнокультурных проектов, выступают наставниками любительских и начинающих учебных фольклорно-этнографических групп. Больше половины учащихся специализации родом из сельской местности, и ЦРТК рассчитывает на их поддержку.

Одним из показателей, указывающих на качество работы центра, является количество разработанных и реализованных инновационных проектов. Инновационный проект в сфере традиционной народной культуры понимается как культурный проект, включающий исследовательский, экспериментально-творческий и образовательный компоненты, использующий современные информационные технологии и методики, результатом реализации которого является определение путей и форм сохранения и развития традиционной культуры в современной жизни.

К разработке инновационных проектов привлекаются ученые и практики разных специальностей, удачный опыт тиражируется. Деятельность ОРТК ГЦНТ ведется в тесном сотрудничестве с Омской областной общественной организацией «Центр славянских традиций», в составе правления которой ученые-фольклористы (филологи, этнографы, культурологи, музыковеды, искусствоведы, технологи по костюму) и практики. Центр славянских традиций участвует в проектной деятельности ОРТК ГЦНТ, обеспечивая ее экспертную оценку и общественную поддержку.

В целях создания и продвижения инновационных форм работы с детьми и молодежью по приобщению к истокам национальных культурных традиций, поддержки учреждений культуры села, пропагандирующих и развивающих традиционные формы культуры, разработки и внедрения методик новых форм досуговой деятельности, основанных на традиционной культуре, Министерство культуры Омской области учредило областной конкурс инновационных проектов по традиционной народной культуре «Живая традиция». Конкурс проводится по 5 номинациям: народные праздники (календарные, семейные); фольклорные традиции (певческая, хореографическая, инструментальная, устно-поэтическая, народный театр); традиционные ремесла; народный костюм; фольклорно-этнографический фонд (формы работы по сбору,

хранению, систематизации фольклорно-этнографического материала, введению в практический оборот). Отбор победителей осуществляется в соответствии со следующими критериями оценки проектов: опора на местный фольклорно-этнографический материал; актуальность проекта, его исследовательский и творческий характер; высокий профессиональный уровень разработанных программ, методических и информационных материалов; учет современных тенденций развития этнокультурного направления и использование современных технологий; совместная деятельность с учреждениями и организациями других ведомств и общественными объединениями при реализации проекта; ориентация на детскую и молодежную аудиторию; обобщение и распространение собственного опыта, возможность его тиражирования и степень охвата аудитории.

Разнообразные этнокультурные проекты по восстановлению системы праздников народного календаря, сохранению ремесленных традиций, реконструкции традиционных костюмов, созданию этномузеев, изучению и освоению фольклорных традиций успешно реализуются учреждениями Муромцевского, Горьковского, Знаменского, Марьяновского, Крутинского, Седельниковского, Исилькульского, Нижнеомского районов. Одной из популярных форм молодежного досуга, предлагаемых центрами, является вечерка, с успехом выполняющая одновременно досуговую, воспитательную, просветительскую, коммуникативную и профориентационную функции. Основанная на традиционном для Сибири наборе игр, песен и танцев современная вечерка выступает содержательной альтернативой дискотек, становится средой для общения и формирования юношеских и молодежных объединений, активно участвующих в реализации исследовательских, просветительских и творческих этнокультурных проектов и программ. В Сибирском культурном центре за 10 лет вечерка приобрела вид новой традиции, способной к самовоспроизводству.

Важной составляющей этнокультурных проектов является их привязка к календарному циклу, подчеркивающая связь фольклора с жизнью, закрепляющая востребованный опыт в повседневной практике. Приуроченность фольклорно-этнографических фестивалей к важным православным датам позволяет включить участие в праздничной службе и народное гуляние в программу мероприятий, вечерние (а чаще ночные) вечерки дополняют фестивальные площадки, создающие благоприятную среду для естественных форм передачи традиционного опыта.

С 2001 г. в Омском регионе проводится Межрегиональный фестиваль русской традиционной культуры «Егорий Хоробрый», приуроченный к Дню памяти святого великомученика Георгия Победоносца (6 мая). Многозначность образа этого святого в народной культуре, его связь с весенними обрядами, близость даты к пасхальному периоду и празднованию Дня Победы предоставляют разнообразные возможности содержательного решения мероприятий фестиваля. В структуре де-

тельности по освоению и популяризации фольклора в Омской области фестиваль «Егорий Хоробрый», включающий неформальные концерты-встречи, мастер-классы по фольклорному исполнительству, круглые столы по выработке общих подходов в восстановлении традиционного художественного процесса, выступает экспериментальной площадкой, творческой мастерской фольклорно-этнографических коллективов и ЦРТК, своеобразной рекламной кампанией, демонстрирующей привлекательность фольклора в формах, близких к аутентичным, для молодежной аудитории; обязательные выезды в муниципальные районы служат поддержке формирующихся ЦРТК. Большой концерт фестиваля решается в формате, способном создать контекст бытования фольклорных жанров: с использованием мультимедийных технологий и театрализации, отражающих содержательную глубину фольклора. Устранению барьера между выступающими и зрителями служат интерактивные формы, например, предоставление слов незнакомых широкой аудитории песен (в печатном виде или на экране) для совместного исполнения с залом, взаимодействие со зрителями по канонам импровизационного фольклорного театра, их включение в демонстрируемый в зале обряд (например, обход дворов волочечниками или приглашение на свадьбу с вручением свадебного обрядового хлеба — «шишек») и др. За 10 лет фестиваль помог сформировать и расширить целевую аудиторию, вдохновил на создание новых фольклорно-этнографических групп, инициировал проведение новых фольклорных программ, демонстрирующих высокий художественный уровень и достойное место народной музыки и в бытовых, и в праздничных ситуациях, и в концертных филармонических программах.

Один из таких новых проектов ОРТК ГЦНТ — организованный в течение 2009 г. цикл концертно-просветительских программ по фольклору для молодежи «Автор — русский народ», включающий 8 комментированных фольклорно-этнографических концертов в Зале органной и камерной музыки Омской филармонии, завершающихся танцевально-игровыми программами со зрителями. В привлечении новой аудитории через СМИ не последнюю роль играет привлекательное и интригующее название анонсируемых концертов. Выигрышной с этой точки зрения оказалась программа «Крестьянский романс». Концерт же под названием «Про Ваню и Дуняшу. Песни и сказки про любовь» был отмечен в рейтинге культурных событий, который проводит журнал «Бизнес-курс» (зняв 5-е место из 10, уступив проекту Юрия Башмета, но опередив концерт Патрисии Каас).

Другим актуальным направлением в работе является решение проблемы введения фольклорного материала в сферу деятельности профессиональных творческих коллективов, а эта проблема, в свою очередь, связана с вопросом доступности информации, содержащейся в фольклорно-этнографических архивах. Сегодня фольклорный материал нашел удачное воплощение в театральных премьерах Омского

областного академического театра драмы («Воздушные мытарства», «Леди Макбет Мценского уезда»), новых программах Омского русского народного хора. Современный этап можно назвать периодом творческого экспериментирования в культурной практике и профессиональном искусстве.

Векторы развития инновационных проектов в сфере традиционной культуры таковы: от изучения конкретного явления в широком контексте, поиска адаптации традиций к современной культурной ситуации, увеличения сообщества вокруг проекта и различных форм продвижения информации о нем до расширения активного поля традиционной народной культуры в системе современной общенародной культуры. Творческие удачи порождают разработку новых направлений проекта, а эффективность реализации заключается в запуске механизмов самовоспроизводства — выходе практики за пределы проектной деятельности. А это возможно лишь спустя не менее 5—10 лет активной деятельности по моделированию культурного процесса.

Сегодня можно подвести некоторые итоги воплощения ряда проектов ОРТК ГЦНТ с пятилетним стажем: «Большие троицкие хороводы» (проект по восстановлению традиций вождения больших хороводов в праздники весенне-летнего календаря), «Этностиль» (проект по актуализации национальных традиций в одежде), «Покровская ярмарка» (межрегиональный праздник-фестиваль традиционных ремесел с системой локальных площадок и обучающих программ), «Свадебные обряды русских, украинцев, белорусов Омского Прииртышья» (циклы семинаров-практикумов, издательских проектов и показательных мероприятий). Все они взаимосвязаны, во многих аспектах взаимообусловлены как составные единого макропроекта «Научно-практическая лаборатория “Русская традиционная культура Омского Прииртышья”». Начальные этапы реализации проектов включают изучение первоисточников (в экспедициях, музейных и частных коллекциях, фольклорно-этнографических архивах), научные исследования, разработку методических рекомендаций, обучающие программы для энтузиастов. Этапы творческого экспериментирования заключаются в реконструкции и актуализации элементов традиционной культуры в современной практике. Обобщающие этапы включают проведение опросов участников, зрителей, обработку предложений, изучение возможностей продвижения проекта, корректировку программ, тиражирование удачного опыта, определение перспектив развития проектов. Сами массовые акции (праздники, обряды, конкурсы и пр.) становятся не просто яркими, эмоциональными событиями, но и активным, стимулирующим фактором и информационным каналом. По результатам исследований⁴, за последние годы в Омской области заметно увеличилось количество желающих принять участие в народных праздниках, среди них возросло число подростков и молодежи от 12 до 30 лет. При проведении опроса молодых людей на «Покровской ярмарке» на вопрос «Что понравилось

больше всего?» следовало большинство ответов: «Всё!» Юноша-студент 22 лет на вопрос, зачем нужны подобные праздники, ответил, что они «позволяют узнать наши корни и воспитывают патриотизм».

По итогам реализации проектов ОРТК ГЦНТ созданы аналогичные программы в районах области, проводятся съезжие праздники и ремесленные ярмарки, в рамках которых успешно развиваются формы фольклорного площадного театра, песенного и инструментального исполнительства, учреждения культуры используют хороводы в своей деятельности в качестве важного содержательного элемента камерных мероприятий и программ больших областных праздников и фестивалей, заметен значительный рост уровня художественного мастерства, в процессе подготовки проектов создаются новые творческие объединения (ансамбли, студии-мастерские), сложилась сеть связей различных участников процессов и каналов влияния на художественное творчество коллективов самодельного творчества, активизировался поиск материалов по местным традициям, увеличивается круг любителей народной культуры и заинтересованных профессионалов. Так, например, областной конкурс мастеров народного костюма «Этностиль» определил пути включения этнического направления в конкурс дизайнерских работ «Серебряная нить» Международного фестиваля «Формула моды — Омск», удачный опыт победителей номинаций «Современная одежда в этностиле» и «Аксессуары» востребован магазинами, торгующими модной одеждой, выполненной вручную. Кроме того, конкурс стимулировал разработку новых творческих и просветительских проектов, в том числе проекта «Русский образ», выступающего производным «Этностиля», — создание галереи фотопортретов современников в традиционных костюмах. Сегодня это востребованная передвижная выставка. В продолжение темы галерея получила новые форматы показа: в виде компьютерной видеопрезентации, журнальных публикаций, календарей, а во время праздников работает экспресс-фотосалон. В ходе реализации проекта «Свадебные обряды» рассматривались проблемы и опыт включения традиционной свадебной обрядности русских, украинцев и белорусов в современную культурную практику, проводились мастер-классы по освоению свадебных песен, изготовлению костюмов и свадебной обрядовой атрибутики; были подготовлены публикации и методические материалы, на их основе разработан довольно обширный перечень платных услуг населению, которые в настоящее время оказывают ЦРТК.

В 2009 г. в Омске прошла большая отраслевая выставка «Омская культура: время созидания», приуроченная к Дню работника культуры (25 марта). Блок стендов «Русская традиционная культура», представляющий наработки омских ЦРТК и мастеров-ремесленников был самым посещаемым. Кроме стендовых презентаций проектов (в том числе сайта «Традиционная культура Омского Прииртышья», православного лагеря ЦРТК «Пересвет» и др.), информационно-методических, издательских и рекламных материалов он включал экспозиции и интерактивные

программы, объединенные по темам «Фольклорные традиции», «Народный костюм», «Традиционная кухня», «Школа ремесел», «Мастерские». Посетители могли послушать народные песни, увидеть коллекции традиционной и современной одежды в этническом стиле, сфотографироваться семьей в народных костюмах в интерьере, воспользоваться рецептами и продегустировать блюда постовой и пасхальной кухни, научиться приемам изготовления обрядового печенья — «жаворонков», смастерить деревянную ложку, пасхальное интерьерное украшение «репеек», игрушку из соломы, рогоза, текстильную куклу, глиняную свистульку, попробовать свои силы в урало-сибирской росписи, работе на гончарном круге, ткацком станке, прялке, токарном станке и пр. В деловую программу для целевой аудитории вошли круглый стол «Опыт, проблемы и перспективы развития традиционной народной культуры в Омской области», творческая лаборатория «Этнические традиции в детской одежде», мастер-классы по изготовлению девичьих «косников», вождению хороводов и пр. Высокий рейтинг программы стендов «Русская традиционная культура» подчеркнул привлекательность составляющих традиционной художественной культуры, обладающей важными для выживания направления в конкурентной среде чертами — универсальностью, зрелищностью, многомерностью, новизной, технологичностью; подкупающим моментом выступают и особенности подхода ЦРТК в освоении и представлении явлений — комплексность, личностная ориентированность, интерес к деталям.

Этнокультурная практика нашего региона, так же как и в масштабах России, имеет тенденцию к расширению. В нее вливаются новые силы, имеющие непосредственное отношение к фольклорно-этнографической деятельности, развитию художественных ремесел. В настоящее время правительством Омской области ведется работа по созданию большого национально-культурного комплекса, который, с одной стороны, позволит сохранить памятники истории и быта, представляющие научную и культурную ценность, с другой — наполнить новостройки-реконструкции живым содержанием, что создаст достоверную и самобытную картину русской народной культуры Сибири, привлекательную для разных групп населения и гостей региона. Объявлен конкурс проектов по застройке территории. Очень важно, чтобы комплекс стал базой для распространения лучших практик и инновационных технологий по развитию и продвижению этнокультурного наследия Омского региона, явился продуктивной формой взаимодействия различных субъектов деятельности в сфере этнокультуры (учреждений науки, культуры и образования, общественных объединений, коммерческих и некоммерческих организаций, мастеров и предприятий народных художественных промыслов и ремесел). Агентство свадебных услуг (проведение свадебных обрядов в национальных традициях), школа народной культуры, ателье по изготовлению современной одежды в этническом стиле, кафе национальной кухни, ярмарки народных ремесел и мастерские,

праздники народного календаря, программы «Народные танцы по правилам» — потенциальные содержательные составляющие будущего Национально-культурного комплекса, способные содействовать сохранению и развитию отдельных этнических сообществ и культур, а также объединению интересов представителей разных национальностей.

«...Сложная структура народной традиционной культуры требует консолидации научных сил в направлении разработки общенациональной программы, которая должна (в свете задач культурно-экологического характера) включать, кроме собственно научно-изыскательских, также и воспитательные, образовательные, художественно-творческие аспекты и другие инициативные виды деятельности, рассчитанные на перспективу восстановления и развития действенных сил народных традиций»⁵. Научно-исследовательский потенциал традиционной народной культуры выступает корректирующим началом, определяет направления творческого развития этнокультурного движения. Задача социокультурного проектирования — стимуляция предпосылок для «оживления» культурных традиций, успешная интеграция традиционной культуры в культурное поле России. Первостепенная задача государства — выведение направления по сохранению и развитию традиционной народной культуры (в том числе русской традиционной культуры) в приоритет культурной и национальной политики, всесторонняя поддержка соответствующих организаций, поднятие престижа деятельности в этом направлении. Предстоит большая работа по выявлению, паспортизации уникальных культурных явлений и пространств, носителей подлинных традиций, разработке и введению в практику специальной системы поддержки мастеров-носителей и молодых наследников традиций. Ключевую роль в этом процессе должны сыграть центры традиционной народной культуры, разрабатывающие новые модели деятельности учреждений.

Примечания

¹ *Козлова И. В.* Основные направления деятельности Домов (Центров) народного творчества по сохранению и развитию традиционной народной художественной культуры: пособие для методистов. М., 2004. С. 4.

² Закон Вологодской области от 26.02.2004 № 1000-ОЗ «О государственной политике области в сфере сохранения и восстановления традиционной народной культуры Вологодской области».

³ Концепция сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009—2015 гг., утвержденная приказом Министрства культуры Российской Федерации от 17 декабря 2008 года, № 267.

⁴ *Золотова Т. Н.* Русская праздничная культура в XX — начале XXI века // Русский вопрос: история и современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск, 2007. С. 343.

⁵ *Мехнецов А. М.* О задачах комплексного исследования фольклора // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. Т. 1. М., 2005. С. 364.

В. В. ВАСИЛЬЕВ
(Санкт-Петербург)

Традиционная культура в истории российской государственности

Определение основ и истоков формирования национального самосознания россиян — один из сложнейших аспектов философских и культурологических дискуссий на все времена. И главный полемический вопрос заключается в том, как атрибутировать фольклор, его присутствие и влияние на духовную жизнь народа. Несмотря на вековую дистанцию, разделяющую Русь дохристианскую, Русь Киевскую, допетровскую и Россию просвещенного монаршества, в культурной природе всех названных исторических периодов имеется некая типичность, характеризующаяся устойчивым языческим окрасом и находящаяся в неприменном столкновении с основами православной государственности России. «Пестротой религиозного сознания» и «бытовой ассимиляцией» христианства называл В. О. Ключевский духовные борения старого и нового в сознании православных русичей. «Для мешавшегося русско-чуждского населения христианство и язычество — не противоположные, одна другую отрицающие религии, а только восполняющие друг друга части одной и той же веры, относящиеся к различным порядкам жизни, к двум мирам, одна — к миру горнему, небесному, другая — к преисподней, к “бездне”»¹. Одна из главных черт русской духовной культуры — веротерпимость, имевшая примеры в самых разных проявлениях и формах. Чем, как не доказательством подобной духовной терпимости, можно объяснить присутствие культовых знаков солнца, изображений «нечистых» гусельников, гудошников, флейтистов на фресках Софийского собора, относящихся к 1073 г. Этот факт может быть косвенным свидетельством лояльного отношения к присутствию языческих мотивов в культурной среде раннехристианской Руси, так как невозможно представить богохульное самовольство живописцев, наносящих на стены храма скабрзные сюжеты вопреки мнению духовенства и власть предержащих. Русское княжество раннехристианской Руси было далеко от раболепного поклонения новым религиозным догматам и не собиралось в одночасье отрешиваться от памятных признаков соб-

ственной культуры. Впрочем, тот факт, что и византийское княжество, служившее для первых русских православных управителей примером благочестия, не столь строго было в своих нравах, служит косвенным доказательством истоков русской православной самостийности. Так, в Константинополе, при дворе, по праздничному случаю не чурались бесовского глума и скоморошьих увеселений. Достаточно вспомнить описание посольского приема русской княжны Ольги, перед ее крещением, где на пиру развлекали гостей «веселые люди»². В дальнейшем скоморохи присутствовали на пирах и киевских, и новгородских князей. Найдется немало количество примеров и в более поздних периодах истории России, когда монаршая власть то ли из праздной прихоти, а то и по идейным убеждениям одаривала вниманием и допускала ко двору культуру простолюдья, выражала недвусмысленные симпатии языческому увеселению, мало созвучным смиренному и строгому уставу православных канонов устройства общественной и государственной жизни. Так, русский царь Иван Грозный и сам любил принарядиться в «бесовское» платье да поплясать со скоморохами. Его разнузданные попойки не обходились без шутов и музыкантов. В ряду таких же фактов и шумные пиры со скоморошьим глумом царя Михаила Федоровича, особенно любившего веселиться «во весь день и ночью» со скоморохами в мыльне³. Сын его, Алексей Михайлович, правда, скоморошьи потехи отменил на своей свадьбе, заменив их пением церковных песен. Зато на многих свадьбах Московии XVI—XVII вв. без «веселых людей» обойтись не могли и бояре, и простой люд, несмотря на гонения и запреты. И не только пиры, праздники, являлись единственным случаем, когда можно было видеть глумливых весельчаков в «бесовском обличи». И скоморохи, и их песни, частушки, прибаутки, игры составляли заметную особенность всей русской жизни. Однако и открыто признавать в подобном культурном колорите непрременную национальную характерность, государственные и духовные власти категорически отказывались. Тем не менее, имеется немало научных свидетельств того, как вполне лояльно относились к скоморохам, гусельникам и медведчикам городские власти средневековой Руси XV—XVII вв. Так, в своей работе о медведниках и скоморохах В. В. Кошелев приводит множественные свидетельства оседлого образа жизни скоморохов в таких городах, как Москва, Тула, Коломна, Соль-Галич и др., что в свою очередь подтверждает добротерпимые взаимоотношения с властью. И что особенно примечательно, в основном сведения эти почерпнуты из документов, свидетельствующих о лояльном отношении духовенства к скоморохам, которые проживают на монастырских землях, под покровительством настоятелей монастырей на правах «откупных» — освобожденных от оброка, что ставило «веселых людей» даже в более привилегированное положение чем то, в котором находились оброчные слобожане⁴. Тем не менее, «Христова церковь, вступив в государство, без сомнения, не могла ничего уступить из своих основ, от того камня, на котором

стояла она, и могла лишь преследовать не иначе как свои цели, раз твердо поставленные и указанные ей самим Господом, между прочим: «обратить весь мир, а стало быть — все древнее языческое государство в церковь», — пояснял Ф. М. Достоевский⁵. В то же время в каждый из названных периодов российской государственности велась неустанная борьба с проявлениями праотеческой, дохристианской культуры, тем не менее, с не меньшим упорством сохраняемой славянским народом в изустном, фольклорном воплощении, в прикладном искусстве, в порядке бытового обустройства жизни.

Как отображение социально-бытового колорита древней русской культуры фольклорные памятники Руси отличаются особым своеобразием и неповторимостью. Пестрой и неугомной можно видеть в вековой традиции русскую фольклорную природу. Свидетельств и документов сохранилось крайне мало. Более полное представление о песенном, музыкальном и зрелищном характере традиционных русских увеселений можно составить лишь по сохранившимся документам, отражавшим официальную позицию государевой власти, имевшим нетерпимый тон в отношении «бесовских позорищ». Так уже в «Повести временных лет» 1068 г., скоморошья забавы называются дьявольскими кознями, обольщающими народ и отвлекающими его от молитвы. А в XVI в. Стоглав запретил скоморошество, строго осудив. Осудил бесовские игры и Домострой.

В качестве одной из причин изначального противостояния православной церкви и фольклорного начала в праздничной культуре россиян нужно видеть крайнюю нетерпимость церкви к устоявшимся календарным праздникам, имевшим языческий окрас, отвлекавшим христиан от православного календаря. Кузьминки, веснянки, Семик, Масленица, ночь на Ивана Купалу — идолопоклонство, так или иначе, присутствовало в текстовом содержании песен, частушек, в образах, в костюмах. И хотя праздничный календарь, навязываемый духовной властью (а церковь достаточно быстро закрепила за собой властное право назидать и требовать) нарочито был подлажен под уже существовавшие праздничные даты языческих славян с тем, чтобы через поверхностную схожесть укоренить новое значение праздников, все же в памяти оставались привычные «герои» русского глума. Каленым железом и смертным боем искоренялись бесовские игрища, но справиться с ними ни церкви, ни государству так и не удалось. Скорее наоборот, такое положение вещей спровоцировало, подтолкнуло процесс рождения профессионального искусства скоморошества. Гонимые и затравленные гудочки и гусяры, песенники и плясуны собирались в маленькие трупы с тем чтобы выжить, чтобы, перебираясь из одного удельного княжества в другое, где, может быть, их лучше примут, из города в город, с ярмарки на ярмарку, находить себе убежище от преследователей, прокорм и короткую передышку. В этой связи нелишне привести памятный эпизод из фильма А. Тарковского «Андрей Рублев», где так

ярко выписан портрет неистребимого скомороха: не только весельем и радостью ублажали своих зрителей потешные люди, но и правду о жизни православных ведали, высмеивая лицемерность духовенства и алчность власти боярской. Частушки же и песни въедались в память народную, оставаясь изустным памятником, служили источником для дальнейшей переработки и варьирования. Такая живучесть фольклорной культуры доказывает важность ее и неизбывность. Это и можно назвать инстинктом культурного самосохранения, о котором уже в XX в. говорил русский философ И. Ильин. «Каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от природы (а это значит — и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих. И у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, осуществляя его, мы исполняем наше историческое предназначение, отречься от которого мы не имеем права...»⁶

Несомненно, фольклор, как и православие, формировал фундамент культурного русского самосознания, прорастая живым стеблем в каждой особенности характера русского, слагая и своими множественными частицами ту основу, на которой высится русский дух.

Наиболее тяжкие испытания пережила русская исконная культура в годы императорской власти Петра Великого, «родоначальника и первого двигателя люциферической России»⁷. Реформы Петра при всем их целебном воздействии на материально-экономический уклад жизни России, при всех неоспоримых политических, военных и дипломатических победах имели один существенный недостаток. Отравленный ненавистью к боярам с молодых лет, Петр проецировал свое восприятие боярской культуры на весь русский жизненный уклад. Нелюбовь Петра к «русскости», отрицание им традиционного быта народа и предпринятые репрессивные меры во многом испортили портрет национального своеобразия, покрыли неизгладимыми шрамами европейской вкусовщины государственный лик Руси. Наиболее яркие примеры тому можно видеть в архитектуре — строительстве Санкт-Петербурга, города чуждой эстетики и культуры. В повсеместном насаждении светскости европейского образца и толка в быту. Ассамблеи, карнавалы, огненные игрища — все пропитано европейским духом, далеким от представления о привычном национальном своеобразии русских. Не только внешние приметы жизни политической, экономической, культурной претерпели ломку и перестройку. Досталось и духовной власти, понесшей тяжелый урон, ощутившийся как в материальном упадке, так и в потере церковью своего былого основополагающего значения. Чего только стоит «Всешутейший, всепьянейший собор», явившийся злейшим сатирическим выпадом против духовенства. До тех пор служившая незыблемым фундаментом государственности, с Петровыми реформами церковь

потеряла былую опору и авторитет. «Без сомнения только чрезвычайное непонимание идеи своей власти могли двинуть Петра на путь такого отношения к народной вере...»⁸ Дискриминация церкви, осуществленная Петром от части из чувства самосохранения, удержания в своих руках единовластия, а во многом и под влиянием симпатий к протестантской, лютеранской обрядовости, падение патриаршества, запустение монастырей, ущемление деятельности духовенства — всё это факторы, незамедлительно имевшие последствия в общекультурном воплощении. «...В период ученического просвещения, когда приходилось вырабатывать свое самосознание, Россия влиwała в себя массу новых, не русских элементов, каждый из которых должен был изменять саму природу ее национальности»⁹. В дальнейшем многие поколения философов, ученых, публицистов, литераторов и деятелей искусств усердно пытались сгладить, нивелировать образовавшиеся рубцы истории. Так борьба западников и славянофилов стала острейшей темой политических дискуссий на многие, многие годы, и до сего дня.

Тем не менее, опьянение соблазнами просвещенной Европы длилось не так уж долго. «Первые зачатки самоопределения у нас начались очень скоро после Петровской реформы. Чувствуя в себе какое-то несходство с Европейским миром, стали задавать себе вопрос: что такое Россия? Началось собиране русского народного творчества, уже при Еккатерине II очень заметное, а Кириша Данилов явился даже при Петре I. Внимание, любопытство к народности было первым признаком начавшегося самоопределения»¹⁰.

Впоследствии, пытаясь исправить «бестактность» своего предка, немало усилий для утверждения и национальной культуры и русских традиций положили потомки Петра Великого в более поздних поколениях. Наибольшие проявления симпатий двора к культуре простолюдыя можно было наблюдать во время празднеств по особому случаю. Будь то карнавалы Елизаветы Петровны или Петра III, маскарады Еккатерины II или празднества по поводу возвращения из Парижского похода Александра I. О последнем торжестве хотелось бы рассказать особо, так как триумфальный возврат Благословенного Александра из покоренной просвещенной Европы в Россию был обставлен как акт полного духовного единения власти и народа, чаяний и устремлений императора-победителя и восторженного, благодарного за спасение от супостата русского крестьянина. Основные празднества состоялись в Павловском парке и дворце, где своего сиятельного сына встречала императрица Мария Федоровна. Ею же, совместно с многими помощниками, был написан сценарий праздника, обговорена режиссура и сценография предстоящего действия. По случаю торжества был построен специальный зал, получивший название Павильон роз, вокруг которого посадили тысячи отборных сортов французских роз. На опушке Павловского леса по проекту Гонзаго соорудили декоративную деревню, на фоне которой множественные статисты-крестьяне занимались нехитрым своим тру-

дом: косили, скирдовали сено и пели песни. С появлением императора все внимание обращалось к нему, ликование и триумф переходили во всеобщее веселье, хороводы, пляски. До конца торжества крестьяне окрестных деревень присутствовали при всем действе, изображая собой тот благодарный русский люд, который демонстрирует свою любовь сиятельному герою. Справедливым будет отметить тот факт, что возвращение русских войск из Парижского похода и в самом деле являло собой грандиозное народное празднество и без этого примера, в котором можно найти признаки лицемерия. Народ был главным действующим лицом в войне, названной Отечественной. И к чести императора следует отнести, что он первый это понимал. Во всяком случае, не допускал выпячивания и превознесения заслуг личных в нелегкой победе над французами. Тому служат свидетельством многочисленные документальные примеры, как и то, что даже привычного по такому случаю памятника освободителю Европы в России, при жизни Александра, построено не было¹¹. Имеются исторические свидетельства благорасположения Александра Павловича и к развитию народной культуры, традиционных художественных ремесел. Так «Санкт-Петербургские ведомости» от 26 мая 1814 г. № 42 пишут о том, как император присутствовал на заседании Общества усовершенствования и ободрения ремесел и его президент Г. Шайталь «благодарил Императорское Высочество за покровительство, какое оказывать соизволил всякому полезному заведению. “Я желаю, чтобы художественные и полезные ремесла во всей Европе беспрестанно распространялись, и уважаю всех тех, которые трудами и знаниями способствуют сей полезной цели”, — отвечал Император»¹².

После национального нигилизма периода Петровских реформ, прусско-казарменной муштры времен Павла, всякое внимание к «русскости», в каком-либо проявлении не могло быть не замеченным обществом. И если держаться тезиса о том, что архитектура — зеркало общества, то в таком случае об эстетических пристрастиях русской аристократии в начале XIX в. можно судить по тем процессам, которые нашли свое отражение в градостроительстве. «Национально-романтический» стиль, усиление интереса к народному, «крестьянскому» зодчеству становится устойчивой эстетической тенденцией этого отрезка русской истории. Так, при Александре Павловиче архитектор К. И. Росси в 1815 г. строит деревню Глазово, близ Павловска. К этому же времени относится и строительство в 1823 г. знаменитого русского ресторана в Екатерингофе архитектора О. Монферана — рубленый крестьянский дом. А уже при брате прежнего царя, императоре Николае Павловиче, Министерством государственного имущества (МГИ) ведется разработка «образцовых» проектов для застройки «казенных селений» (1830—1840 гг.)¹³. Первым же достаточно полно реализованным проектом стала «деревня Купчино» у Царскосельской железной дороги архитектора А. К. Кавос 1838 г. За основу проектных разработок был взят образ типичной крестьянской деревни. А в 1840 г.

К. А. Тон выполняет разработку «нормальных чертежей для устройства крестьянских домов в казенных селениях»¹⁴. Всего было разработано 89 проектов различных типов и назначения на стилистической основе крестьянской архитектуры Московской, Новгородской, Смоленской, Харьковской, Курской, Казанской, Оренбургской и других губерний. В 1842 г. литографии проектов были изданы с целью публичного ознакомления для распространения в качестве типовых примеров¹⁵. В альбом вошли не только проекты жилых домов, но и зданий магазинов, волостных управлений, церквей, генеральные планы селений. Таким образом, можно считать что целенаправленно и методически последовательно на государственном уровне решалась проблема внедрения эстетики народного быта в повседневную жизнь. В истории отечественной архитектуры подобные тенденции были новшеством, коренным образом разворачивавшие творческие перспективы строительства к истокам и опыту народного зодчества, что ознаменовало переход от классицизма и заимствования европейских догматов петровских времен к русскому стилю с аутентичной основой.

Нельзя не согласиться с А. С. Каргиным и Н. А. Хреновым: «стремление слиться с народом в быте, обрядах, обычаях, в одежде выражало реакцию на утрату национального духа, особенно в образованных слоях общества. Связь с национальным укладом жизни и христианской верой имела место лишь в слоях крестьянства, не порывавшего с землей»¹⁶. И особенно остро понимали это славянофилы, благодаря стараниям которых весь XIX в. видится нам как время, когда «историография заметно передвигала объект своего внимания с государственно-бюрократических структур на общественно-народные»¹⁷.

Как теперь мы видим, меры предпринимаемые императорским домом к поощрению праславянских вкусов в обществе были обусловлены, в том числе, и политическими интересами. Но не только политической конъюнктурой следует объяснять эстетические привязанности Романовской династии. Немалый вклад внесли в формирование национального самосознания монарших властителей педагоги, в чьи руки отданы были будущие наследники престола. Достоверно известно, что симпатии к «русскости» взращивались многими воспитателями, гувернерами будущих императоров. Множество поколений педагогов, выдающихся деятелей культуры России посвятили свой труд формированию концепции гражданско-патриотического и нравственно-эстетического воспитания. Обращение к научному и историческому наследию педагогического опыта нашего Отечества подтверждает мысль о том, что идеалы национального самосознания являли стержневую основу педагогики в системе частного и государственного образования России XVIII—XIX вв. И особого внимания и изучения заслуживают педагогические системы гувернеров высокоаристократических семейств и особенно воспитателей и наставников Дома Романовых — С. А. Порошина, Ф. С. Логарпа, М. М. Сперанского, В. А. Жуковского, К. К. Мердера. Труд этих педа-

гогов тем более важен тем, что результат его отразился на всем ходе исторического развития России впоследствии, по восшествии сиятельного отпрыска на престол. Ведь являясь педагогами, гувернерами, наставниками великокняжеских особ, будущих наследников престола, воспитатели взращивали в детских и юношеских умах идеалы всей нации, идеологию, формировавшую все течение общественно-государственной жизни¹⁸. Как пример педагогического результата может быть рассмотрен реформаторский пыл и революционный романтизм первых лет правления Александра I, одухотворенного республиканцем-бунтарем Логарпом, или яркая реформаторская деятельность Александра II, долгое время находившегося под влиянием идеалиста-гуманиста В. А. Жуковского. Небесполезно будет вспомнить о том, что юный Александр Николаевич воспитывался в условиях своеобразной детской республики, гражданами которой были будущий монарх, его сестры и друзья великого князя Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль. Всё в укладе жизни малолетних бонз было нацелено на то, чтобы привить им максимальные навыки самостоятельности, ответственности, трудолюбия. Дети являлись управителями республики, имеющей свою конституцию, флаг, герб, флот и даже армию. Сами же они несли все гражданские обязанности, выполняя самые различные хозяйственные работы, заботясь об устройстве своего быта, обеспечивая приготовление пищи, проявляя заботу о домашних животных. Педагогическое кредо Жуковского состояло в том, чтобы предоставить детям как можно больше свободы... и как можно меньше власти; чтобы как можно больше работали и как можно меньше требовали от других. При этом речь идет о 10—12-летних подростках. Немало сил прилагал Василий Андреевич и к тому, чтобы дети могли максимально полно представить себе реальную жизнь народа, ознакомиться с укладом жизни и бытовой культурой русской провинции. По окончании учебы в летние месяцы дети совершали достаточно длительные путешествия, забираясь в самые глубинные уголки России. Так, в 1837 г. они объездили более 30 губерний, вплоть до Сибири. Встречались с губернаторами, посещали дома простых горожан, крестьян. В ходе поездки рассмотрели более 16 тысяч жалоб от простого люда и по каждой из них приняли решение. Встречались с декабристами в томской ссылке, после чего было принято немало важных решений, облегчивших участь ссыльных. Таким образом, воспитуемым преподносились не только абстрактно-логические выкладки передовой научной мысли, но и практический опыт, используемый в системе обучения. Воспитатель вкраплял в сознание подопечных ценности демократического общежития, добра, милосердия и уважения к человеку, к исконным национально-культурным корням. Разработанная В. А. Жуковским система воспитания строилась так, чтобы будущий монарх имел максимально полное представление об особенностях национального характера, культуры, бытового уклада жизни народа, которым предстояло ему править. Казалось бы, мысль очевидная. Но

не всем аристократам из придворного окружения она была понятна, а у многих вызвала и откровенное раздражение. В частности, педагогическое поприще В. А. Жуковского стало предметом эпиграмм злоязычного Александра Бестужева и сюжетом басен Ивана Крылова. Но в конце XIX в. в трудах идеолога монархизма Л. А. Тихомирова уже можно найти более объективную оценку педагогическим приемам, практиковавшимся Жуковским: «Можно сказать вообще, что в деле Царского воспитания огромное значение имеет все, дающее знакомство или, по крайней мере, умение находить знакомство с подданными. Задача непосредственного общения с подданными всех званий так важна для носителя монархической Верховной Власти, что в воспитании его не следует упускать случаев развивать способность и охоту к этому», — утверждает автор¹⁹. Среди непрременных условий формирования личности будущего императора главенствующее положение выдающийся идеолог русской национальной идеи Лев Александрович Тихомиров отводит религиозному воспитанию. «Монарх должен знать, что если в народе нет религиозного чувства, то не может быть и Монархии. Если он лично неспособен сливаться с этим чувством народа — то он не будет хорошим монархом. Между ним и народом всегда будет протянута завеса взаимного непонимания»²⁰. И далее: «Монархия высшего типа (самодержавного) нуждается для своего сохранения и развития в том, чтобы в нации существовал абсолютный нравственный идеал, не подчиненный, не утилитарный, а верховный. Монархическая власть, в качестве верховной, признается и поддерживается только той долей нации, или той частью национальной души, в которой живет сознание верховенства нравственного начала над всем остальным»²¹. Так, явно славянофильские воззрения виднейшего деятеля русского монархизма Л. А. Тихомирова, которые в другое время, может быть, и вызвали бы подозрение в нелояльности автора к государственной власти, в начале XX в. воспринимались не только как безобидные, но и как наиболее своевременные. Поиск путей к душе народа, утверждение верховного нравственного идеала — эти проблемы, беспокоившие русских самодержцев во все времена, стали еще более актуальными для Дома Романовых к исходу 300-летнего срока правления династии.

Примечания

¹ *Ключевский О. В.* Исторические портреты. М., 1990. С. 52.

² *Фаминцин А. С.* Скоморохи на Руси. СПб., 1995. С. 23.

³ *Ключевский О. В.* Указ. соч. С. 52.

⁴ *Кошелев В. В.* К вопросу о медведчиках, медведниках и скоморохах. Зрелищно-игровые формы народной культуры. СПб., 1990. С. 76—77.

⁵ Цит. по: *Иванов Вяч.* Лик и личины России. М., 1995. С. 339.

⁶ *Ильин И. А.* О грядущей России: избр. статьи. М., 1993. С. 263.

⁷ *Иванов Вяч.* Указ соч. С. 323.

⁸ *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 300.

- ⁹ Там же. С. 303.
- ¹⁰ Там же. С. 305.
- ¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1814. 26 мая. № 42.
- ¹² Там же.
- ¹³ ЦГИА. Ф. 398. Оп. д. 1551; Ф. 789. Оп. 20 (Оленин) 1840 г. Д. 32. Л. 1.
- ¹⁴ Атлас нормальных чертежей сооружениям по ведомству МГИ. СПб., 1842.
- ¹⁵ РНБ. Предписание департамента МГИ от 12 октября 1838 г.
- ¹⁶ Каргин А. С., Хренов Н. А. Фольклор и кризис общества. М., 1993. С. 50.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Подробнее см.: Русский биографический словарь. Т. 1. СПб., 1896. С. 390—393.
- ¹⁹ Тихомиров Л. А. Указ соч. С. 451.
- ²⁰ Там же. С. 450.
- ²¹ Там же. С. 465.

ОТ КОНГРЕССА К КОНГРЕССУ

Материалы Второго
Всероссийского конгресса
фольклористов

Сборник докладов

Том 2

Составители

**Варвара Евгеньевна Добровольская,
Александра Борисовна Ипполитова,
Анатолий Степанович Каргин**

Редакторы *Л. П. Платонова, И. Е. Посоха*

Корректор *М. В. Кукова*

Дизайн и верстка *И. К. Дергунова, Т. В. Бурцева*

Зав. отделом подготовки и распространения
научных и периодических изданий *К. Н. Давыдов*

Подписано в печать 30.05.11. Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Объем 26,8 уч.-изд. л.; 24,5 а. л.; 28,0 печ. л. Тираж 500 экз. Заказ №

ФГУК «Государственный республиканский центр русского фольклора».
119034, Москва, Турчанинов пер., 6.

Адрес в Интернете: www.centrfolk.ru

E-mail: crf@inbox.ru

Отпечатано в типографии ОНО «Типография Россельхозакадемии».
115598, г. Москва, ул. Ягодная, 12.